

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ФОРУМ

«НАСЛЕДИЕ»

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Международная научная конференция,
посвященная памяти доктора филологических наук,
профессора Е. И. Дергачевой-Скоп
(Новосибирск, 18–20 октября 2023 г.)

Сборник материалов

Новосибирск
2023

УДК [81+82]:930.2
ББК 81+83+63.2
И91

Рекомендован к печати ученым советом Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета

Издание осуществлено при финансовой поддержке Фонда «История Отечества»

Редколлегия:

канд. филол. наук В. А. Мельничук,
канд. филол. наук И. А. Шилова,
доцент Е. А. Турук,
ассистент Т. В. Скрыпник

Рецензенты:

д-р филол. наук Л. Н. Синякова,
канд. ист. наук С. Г. Петров

И91 Источниковедение литературы и языка: Международная научная конференция, посвященная памяти доктора филологических наук, профессора Е. И. Дергачевой-Скоп (Новосибирск, 18–20 октября 2023 г.): Сборник материалов / ред. кол. В. А. Мельничук, И. А. Шилова [и др.]; М-во науки и высшего образования РФ, НГУ, ГИ. – Новосибирск: СО РАН, 2023. – 142 с. ISBN 978-5-6049863-5-6

Сборник включает в себя материалы Международной научной конференции «Источниковедение литературы и языка», состоявшейся 18–20 октября 2023 г. в рамках IV Международного научного форума «Наследие». Конференция проведена Гуманитарным институтом Новосибирского государственного университета совместно с Государственной публичной научно-технической библиотекой Сибирского отделения Российской академии наук.

В сборник вошли тезисы докладов, посвященных различным проблемам источниковедения литературы и языка, и материалы круглого стола «Актуальные вопросы изучения литературного наследия М. М. Пришвина». Авторами сборника стали доктора и кандидаты наук из Германии, Италии, Греции, Чехии, Франции, Китая, Армении, Болгарии, Беларуси и России.

Издание предназначено для специалистов в области источниковедения, текстологии, археографии, истории русской литературы и языка.

УДК [81+82]:930.2
ББК 81+83+63.2

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ТЕКСТОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
<i>Лурье В. М.</i> Переводы на славянский с сирийского и с греческих переводов с сирийского: состояние проблемы.	8
<i>Грицевская И. М., Литвиненко В. В.</i> Новонайденный фрагмент Княжего изборника в рукописном собрании Венской библиотеки	11
<i>Попова Т. Г.</i> Ранние славяно-русские версии текста Жития преп. Иоанна Лествичника и их византийские источники. ...	13
<i>Борисова Т. С.</i> Часы Великой Пятницы: к восстановлению ранних этапов текстологической истории церковнославянского текста.	15
<i>Корогодина М. В.</i> «Повесть о Варлааме и Иоасафе», книжные связи и книжное письмо начала XV века	17
<i>Соколова Л. В.</i> Главные герои Куликовской битвы в изображении «Сказания о Мамаевом побоище»: как примирить противоположные точки зрения?	19
<i>Гардзанини М.</i> Образ женщины. Откровения в русской публицистике XVI века	21
<i>Лобакова И. А.</i> Житие митрополита Филиппа в Латухинской Степенной книге	23
<i>Юдина Е. А.</i> Житие Гурия и Варсонофия Казанских: к вопросу выявления редакций	25
<i>Дергачева И. В.</i> Образы ангелов в синодичных предисловиях. ...	27
<i>Панич Т. В.</i> Прения о вере 5 июля 1682 года в «Увете духовном» Афанасия Холмогорского и «Созерцании кратком» Сильвестра Медведева	29
<i>Мельничук В. А.</i> Русская история XII века в «Летописце, сиесть Кронике»	31
<i>Ермоленко С. М., Кизюн Ф. П.</i> Молитвы на благословение колива в русских православных служебниках и требниках: от средневекового текстуального многообразия к современной унификации	33
<i>Илющечкина Т. Н.</i> Рукописная традиция немецкого перевода «Описания Сибири» (географическая часть).	36

**ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЛАВЯНО-РУССКИХ КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ
И ПРОБЛЕМЫ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

<i>Пичхадзе А. А.</i> Синтаксические функции причастий в «Вопро- шании Кирика, Саввы и Ильи»	39
<i>Панин Л. Г.</i> Загадки Друцкого Евангелия	41
<i>Жолобов О. Ф.</i> К истории вторичных имперфективов съдѣвати – съдѣловати – сътваряти	46
<i>Долгушина Л. В.</i> Синонимия в ранних славянских переводах с греческого языка	48
<i>Тихова А. М.</i> К вопросу о лексике Тырновской редакции Стиш- ного Пролога	50
<i>Щеглова О. Г.</i> Лексические разночтения в Стишном Прологе как текстологические приметы редакций	52
<i>Азарова И. В., Алексеева Е. Л., Рогозина Е. А., Сипунин К. В.</i> Размет- ка и анализ элементов содержания в Санкт-Петербургском корпусе агиографических текстов (СКАТ)	54
<i>Баранов В. А.</i> Исторический корпус средневековых славянских рукописей «Манускрипт» как исследовательский интернет- ресурс (количественно-статистические характеристики существительных брань и рать)	56
АРХЕОГРАФИЯ СЛАВЯНО-РУССКИХ КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ И ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ	
<i>Казарян Д. Г.</i> Армянские амулеты в виде свитка	58
<i>Васильева О. В.</i> Христианские рукописи Ближнего Востока в собрании архимандрита Антонина (Капустина)	60
<i>Бородихин А. Ю.</i> Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского из собрания библиотеки Иркутского областного художест- венного музея им. В. П. Сукачева	62
<i>Коваленко А. Н., Подопригора В. В., Шилова И. А., Юдин А. А.</i> Неиз- вестный экземпляр заблудовской «Псалтири с Часословцем» Ивана Федорова	64
<i>Есипова В. А.</i> Список Хождения Василия Познякава из фондов ОРКП НБ ТГУ	67
<i>Казанцева Т. Г.</i> Старообрядческий гектографированный Обиход: структура, состав, источники	69
<i>Пигин А. В., Семячко С. А.</i> Агиографический свод старообрядчес- кого книжника Ионы Керженского	71
<i>Журавель О. Д.</i> От Савонаролы до Ивана Филиппова: к истории эсхатологического сюжета о плаче церкви	74

<i>Гурьянова Н. С.</i> Состав общинных библиотек как источник для изучения общественного сознания старообрядцев	76
<i>Волкова Т. Ф.</i> К вопросу о родовых библиотеках печорских крестьян: книжки из старообрядческого рода Поздеевых	78
<i>Титова Л. В.</i> О функции исторических и повествовательных сочинений в старообрядческой публицистике (на материале рукописного собрания ИИ СО РАН)	80

ДРЕВНЕРУССКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ XVIII–XX ВВ.

<i>Алексеев В. Н.</i> О жанровой природе «Истории Сибирской» Семена Ремезова.....	82
<i>Попович А. И.</i> «Мир не может быть без правды»: проповеди Стефана Яворского 1700-х гг. и исправление нравов	85
<i>Донских О. А.</i> Формирование языка науки в XVIII веке	87
<i>Мань Синькунь.</i> Оборотничество: мифологические корни литературного мотива	89
<i>Анисимов К. В.</i> «В то время, когда Иоанн...». Подвиг Ермака на страницах «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: поэтика, контекст	91
<i>Долгушин Д. В.</i> П. А. Плетнев и коммеморативные практики в русской культуре 1830–1850-х годов.....	93

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ М. М. ПРИШВИНА

<i>Агеева Е. А.</i> «Староверческий быт всегда говорит моему сердцу о возможном, но упущенном счастье русского народа» – Пришвин как исследователь старообрядчества	96
<i>Кнорре (Константинова) Е. Ю.</i> «И эта тропа есть моя самая близкая родина»: дневники Михаила Пришвина как источник сюжета	98
<i>Турук Е. А.</i> Редкие издания сочинений М. М. Пришвина в библиотеках г. Новосибирска	102

AD MEMORIAM

<i>Соболева Л. С.</i> Мелодия рода в симфонии жизни профессора Елены Дергачевой-Скоп (1937–2022).....	104
<i>Гузнер И. А.</i> Они были первыми (из воспоминаний).....	135
<i>Steinke K.</i> Erinnerungen an Elena Ivanovna Dergačeva-Skop und Novosibirsk	139

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

С 18 по 20 октября 2023 г. в Новосибирске состоялась Международная научная конференция «Источниковедение литературы и языка». Мероприятие было организовано в рамках IV Международного форума «Наследие» Гуманитарным институтом Новосибирского государственного университета (НГУ) совместно с Государственной публичной научно-технической библиотекой Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН) при финансовой поддержке Фонда «История Отечества».

Данная конференция стала продолжением серии научных мероприятий, идейным вдохновителем и главным организатором которых на протяжении долгих лет являлась доктор филологических наук, профессор Е. И. Дергачева-Скоп. Елена Ивановна – известный в России и за ее пределами ученый-медиевист, основавший и развивавший в НГУ такое научное направление, как археография, организатор комплексных археографических экспедиций на территории Сибири и Дальнего Востока. Широчайший кругозор, необыкновенная творческая энергия и увлеченность своим делом оставили яркий след в сердцах всех, кто был с ней знаком. До последних дней жизни Елена Ивановна делала все возможное для того, чтобы проводились археографические практики студентов Гуманитарного института, работал организованный ею спецсеминар «Древнерусская повесть в литературном пространстве XI–XVII веков и в Новом времени», проводились международные научные мероприятия.

В 2021 г. в НГУ под руководством Е. И. Дергачевой-Скоп был проведен семинар-школа, участие в котором приняли несколько десятков выдающихся ученых из девяти стран. Большое количество участников, широта географии и тематическое разнообразие семинара-школы привели организаторов к идее трансформировать его в международную научную конференцию. Планировалось, что в этом году она будет посвящена 150-летию со дня рождения писателя, прозаика и публициста М. М. Пришвина, много внимания уделявшего в своих произведениях проблеме старообрядчества.

Однако в октябре 2022 г. Елены Ивановны не стало. Отдавая дань памяти своему Учителю, мы постарались поддержать и продолжить начинания Елены Ивановны и сочли единственно правильным решением посвятить очередную конференцию памяти человека, стоявшего

го у ее истоков, что нашло отклик среди коллег из России, Армении, Беларуси, Болгарии, Германии, Греции, Италии, Китая и Франции. Участниками конференции «Источниковедение литературы и языка» в 2023 г. стали более 60 ученых – специалистов из научных центров по изучению древней письменности, старообрядчества, истории русской литературы; профессоров известных российских и зарубежных вузов; сотрудников крупных библиотек, занимающиеся изучением славянской книжности.

Настоящий сборник содержит памятный раздел «Ad memoriā», посвященный жизни и научной деятельности Елены Ивановны, а также тезисы обсуждавшихся участниками конференции докладов. В издании отражены ставшие традиционными направления, посвященные различным аспектам изучения памятников древнерусской литературы: текстологии, археографии, библеистике, проблемам славяно-русского языкознания, корпусной лингвистики, классической и новой литератур, так или иначе связанным с древнерусской проблематикой, изучению старообрядчества, созданию цифровых копий произведений древности.

В соответствии с изначальным замыслом в рамках конференции состоялся научный семинар «Актуальные вопросы изучения литературного наследия М. М. Пришвина». Недавно состоявшаяся публикация дневников М. М. Пришвина позволяет по-новому взглянуть на его жизнь и творчество. Наряду с поэтикой писателя и его литературного наследия, на семинаре обсуждались проблемы, продиктованные основными направлениями работы конференции – старообрядческая тематика и проблемы сохранения культурного наследия. Тезисы избранных докладов также представлены в данном издании.

Публикуемые в сборнике материалы содержат попытку осмысления национальной русской литературы, получавшей разнообразное воплощение в книжности разных эпох, дают картину ее непрерывного и своеобразного развития и понимание ее глубинных оснований.

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ТЕКСТОЛОГИЯ
ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Вадим Миронович Лурье

*Институт философии Сибирского отделения
Российской академии наук
Новосибирск, Россия
hieromonk@gmail.com*

**ПЕРЕВОДЫ НА СЛАВЯНСКИЙ
С СИРИЙСКОГО И С ГРЕЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ С СИРИЙСКОГО:
СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Basil Lourié

*Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

**TRANSLATIONS INTO SLAVONIC
FROM SYRIAC AND FROM GREEK TRANSLATIONS FROM SYRIAC:
STATUS QUAESTIONIS**

В древнейшем славянском христианстве прослеживается весьма сильное сирийское влияние, позже перекрытое влиянием византийским. В этом отношении славянская христианская культура напоминает грузинскую и арабо-христианскую мелькитскую, с тем отличием, что в грузинской культуре это сирийское влияние продолжалось на несколько веков дольше, тогда как славянская и арабо-мелькитская культуры, приблизительно, современны друг другу, и поэтому толщина сирийского культурного слоя в них гораздо меньше, чем в грузинском, и поэтому труднее поддается исследованию. К настоящему времени следы сирийского влияния отмечены, в частности, в следующих областях древнейшей славянской культуры: архитектура (еще

в языческой Болгарии это дворцы хана Крума в Плиске, 810-е гг., но также и церкви на реке Брегалнице), оформление древнейших глаголических рукописей (особенно орнаменты), переводная литература. Существование сирийской миссии к славянам документально подтверждено в Деяниях Шестого Вселенского собора (681 г.). Наконец, на территории современной Северной Македонии (с 830-х гг. вошедшей в Болгарское царство) большинство населения с 754 г. составляли сирийцы и армяне, массово переселенные с территории Халифата.

Переводная славянская литература обнаруживает сирийское влияние в следующих областях: (1) прямые переводы с сирийского языка, в том числе, (2) переводы с сирийского произведений, ранее переведенных на сирийский с греческого; (3) переводы с греческого языка произведений, ранее переведенных с сирийского; (4) переводы с греческого языка, сделанные с учетом переводов тех же произведений на сирийский.

- (1) 1. *Ахикар* («Повесть об Акире Премудром»);
2. Двенадцать снов Шахаиши.
3. Произведения Соломонова цикла (по крайней мере, некоторые из них).
4. Сказание о 12 пятницах, Елевфериева редакция.
5. *Солунская легенда*.

DUBIA (произведения, для которых доказано наличие семитского оригинала, принятого исследователями за еврейский, но без попытки дифференциации еврейского и сирийского):

6. *Слово Зоровавеля*.
7. «Йосиппон» (эти фрагменты принято так называть по сходству содержания с еврейской книгой *Йосиппон*, но они к ней текстуально не восходят).
- (2) 1. «Русская» Есфирь: утраченный оригинал (на греческом языке) создан в эллинистическом иудаизме (очевидно, в Египте), славянский перевод сделан с утраченного сирийского перевода с греческого.
2. «Добавления» в пространной редакции 2 Еноха (в сравнении с краткой редакцией): обе редакции в своей общей части представляют один и тот же перевод с греческого, но «добавления» пространной редакции (которая, скорее всего, и является оригинальной) имеют признаки перевода с сирийского, причем, такого текста, который на сирийский был переведен с греческого.

- (3) 1. Произведение без названия (отрывок) о падении Верховного Ума (дошло в одной редакции Кормчей и в конвое произведений Климента Смолятича): оригенистский текст, написанный на сирийском, но на славянский переведенный с греческого (этот текст, скорее всего, попал к славянам без сирийского посредства).
2. Монофелитская компиляция фрагментов из апокрифических деяний разных апостолов (этот текст также мог попасть к славянам без посредства сирийцев).
3. *Acta fabulosa* апостола Петра: маронитское произведение, переведенное с сирийского на греческий, причем, на греческом языке сохранился другой перевод, нежели тот, что послужил оригиналом для славянского. Тут посредство сирийцев в передаче текста славянам вероятно.
4. *Сон царя Иоаса*. Также маронитское произведение. О посредстве сирийцев в передаче к славянам судить трудно.
5. *Завет Иова*. Славянский перевод не восходит к известным двум греческим и коптской редакциям и имеет признаки перевода на славянский с греческого, но на греческий с сирийского. Требуется дополнительных исследований.
- (4) Две древнейшие редакции славянского богослужебного Апостола: на основании анализа одной трети текста среди разночтений, не имеющих основания в известных греческих рукописях, обнаруживается статистически значимое число параллелей с переводами древнейшим сирийским и древнейшим эфиопским (сделанном с греческого языка, скорее всего, сирийцами), а также с первым грузинским (сделанном с греческого языка, но под очевидным сирийским влиянием). Это говорит об использовании другой греческой рукописной традиции, нежели доступная в Византии конца первого тысячелетия, а также, возможно, об использовании переводчиками сирийского перевода.

Ирина Михайловна Грицевская

*Сыктывкар государственный университет
имени Питирима Сорокина
Сыктывкар, Россия
irgri@inbox.ru*

Вячеслав Владимирович Литвиненко

*Карлов университет
Прага, Чешская республика
vyacheslav.lytvynenko@gmail.com*

**НОВОНАЙДЕННЫЙ ФРАГМЕНТ КНЯЖЕГО ИЗБОРНИКА
В РУКОПИСНОМ СОБРАНИИ ВЕНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ**

Irina Mikhaylovna Gritsevskaya

*Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
Syktyvkar, Russian Federation*

Vyacheslav Vladimirovich Lytvynenko

*Charles University
Prague, Czech Republic*

**NEWLY FOUND FRAGMENT OF THE KNAZHESKII IZBORNIK
IN THE MANUSCRIPT COLLECTION
OF THE AUSTRIAN NATIONAL LIBRARY**

Благодарности: исследование И. М. Грицевской поддержано проектом РФФ 23-28-00205 «Афанасий Александрийский и Псевдо-Афанасий в средневековой славянской книжности: Вопросы соответствия к князю Антиоху». Исследование В. В. Литвиненко поддержано проектом GAČR 21-11977S «Reception of the Alexandrine Exegetical Principles Between East and West» и Йельским университетом (Yale Divinity School).

В настоящее время все больший размах приобретает исследование такого древнейшего памятника славянской письменности, как Изборник 1076 г. Как известно, этот сборник возник на славянской почве и не являлся в целом переводным, как Изборник 1073 г., но

создан на базе уже готовых славянских переводов. Исследование источников Изборника 1076 г. и истории его текста является чрезвычайно востребованным в современной исследовательской литературе, этому предмету посвящают в настоящее время работы такие исследователи, как В. Федер, Д. М. Буланин, М. С. Мушинская, А. А. Пичхадзе, М. В. Чистякова, Н. В. Савельева, К. В. Вершинин, А. Милтенова и ряд других. Важным аспектом исследований Изборника 1076 года является поиск списков Княжего Изборника – сборника устойчивого состава, генетически предшествовавшего Изборнику 1076 г. Известен целый ряд фрагментов Княжего Изборника в рукописях XIV–XVII вв. Всего до настоящего времени стало известно 17 такого рода фрагментов [Мушинская. С. 56–60], позволяющих изучать историю формирования Изборника 1076 г. и открывающих возможность понять творческий процесс древнего славянского книжника.

Нами найден еще один список фрагмента Княжего Изборника, дошедший в сербском сборнике XVI в. из собрания Венской национальной библиотеки (Slav. 125). Этот фрагмент содержит 13 вопросов-ответов Псевдо-Афанасия Александрийского, 12 из которых вошли и в Изборник 1076 г. (в главе 13, под номерами I, XVII, XX, XXI, XXII, XIX, XXIII, XXXI, XXVI, XVII, II, XXVIII, III), а один известен по другим спискам Княжего Изборника, но в Изборник 1076 г. не вошел. Данная подборка вопросов-ответов представляется архаичной, отражающей древнее ядро главы № 13 Изборника 1076 г. и старший вид ее композиции. Сделать такой вывод позволяет соотношение порядка следования вопросов-ответов в Slav. 125 (№№ XVIII, XIX, XVII) и нумерация этих же вопросов-ответов в полном славянском переводе Вопросы-ответов Псевдо-Афанасия Александрийского, послужившим источником для Княжего Изборника: №№ 79, 92, 130 (см. публикацию славянского перевода: [Федер]).

Изучение текстов подборки из Slav. 125 может представить интерес и как свидетельство соотношения текстов из Изборников 1073 и 1076 гг., поскольку в ряде случаев тексты из венской рукописи ближе не к традиционным чтениям Княжего Изборника и Изборника 1076 г., а к Изборнику 1073 г.

Литература

- Мушинская М. С. Изборник 1076 года. Текстология и язык. СПб.: Нестор-история, 2015. 480 с.
- Федер У. Р. Псевдо-Атанасий Александрийски. Въпроси и отговори към княз Антиох. Т. 1–2. Шумен, 2016.

Татьяна Георгиевна Попова

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Калининград, Россия
lestvic@mail.ru*

**РАННИЕ СЛАВЯНО-РУССКИЕ ВЕРСИИ ТЕКСТА
ЖИТИЯ ПРЕП. ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА
И ИХ ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ**

Tatiana Georgiewna Popova

*Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russian Federation*

**EARLY SLAVIC-RUSSIAN VERSIONS
OF THE TEXT OF THE VITA OF ST. JOHN CLIMACUS
AND THEIR BYZANTINE SOURCES**

Благодарности: исследование выполнено при поддержке РФФ (проект № 22-18-00005 «Иконография и агиография Лествицы Иоанна Синайского»).

Все исследования в области переводной древнеславянской и древнерусской книжности должны базироваться на византийском тексте, ставшем основой того или иного перевода. В настоящее время наука располагает изданиями двух принципиально различающихся версий древнегреческого текста Лествицы. Древнейшая версия впервые была издана иезуитом Матфеем Радером, переиздана Ж.-П. Минем [Patrologiae]. Более поздняя версия увидела свет в издании Софрония Еремита, переиздана архимандритом Игнатием [Τοῦ ὁσίου Πατρὸς]. Житие преп. Иоанна Лествичника является неотъемлемой частью Лествицы, поэтому традиция переводов Жития святого идентична традиции переводов Лествицы. Тексты ранней и поздней греческих версий Жития Лествичника разительно отличаются друг от друга. В сравнении с ранней греческой версией, в поздней греческой версии имеются 11 семантически цельных фрагментов, которые можно условно разделить на 4 группы: а) новые топосы (6), б) библейские аллюзии (2), в) дополнения к повествованиям о чудесах святого (2), г) дополнения к повествованиям о подвигах святого (1).

Первый перевод Лествицы на общеславянский литературный язык был выполнен в золотой век славянской культуры, не позднее второй четверти X века) книжниками Преславской школы. Второй перевод Лествицы был выполнен в эпоху Второго Болгарского царства книжником тырновской школы монахом Марком. Третий перевод Лествицы был выполнен в начале второй половины XIV века в сербской книжной среде. Четвёртый, самый популярный в славянских странах, и особенно на Руси, перевод был выполнен на Афоне не позднее 1360-х гг.

Тексты всех названных версий Жития преп. Иоанна Лествичника опубликованы на сайте art-of-scala.ru.

В результате проведённого лингвотекстологического анализа установлено, что основой для преславского и афонского переводов послужила ранняя греческая версия Лествицы, а основой для тырновского и сербского переводов стала поздняя греческая версия Лествицы. Таким образом, уточнена картина славяно-русских переводов памятника и доказано, что термин «тырновская редакция», используемый в работах болгарских исследователей (Б. Христовой, Т. Мостровой, Д. Кенанова, Н. Василевой и др.), является некорректным, поскольку установлена византийская версия текста, ставшая оригиналом для тырновского перевода.

Литература

Patrologiae cursus completus / Accurante I. P. Migne. Series graeca. T. 88. Col. 631–1210. Parisii, 1860.

Τοῦ ὁσίου Πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Σιναΐτου Κλίμαξ ὑπὸ Ἀρχιμ. Ἰγνατίου. Ὠρωπὸς Ἀττικῆς, 1978. Repr.: 1997, 1999, 2002.

Татьяна Станиславовна Борисова

*Афинский национальный университет им. И. Каподистрии
Афины, Греция
tatianaborissova@gmail.com*

**ЧАСЫ ВЕЛИКОЙ ПЯТНИЦЫ:
К ВОССТАНОВЛЕНИЮ РАННИХ ЭТАПОВ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ТЕКСТА**

Tatyana Stanislavovna Borisova

*National and Kapodistrian University of Athens
Athens, Greece*

**THE GREAT AND HOLY FRIDAY HOURS:
ON THE RECONSTRUCTION OF THE EARLY STAGES
OF THE CHURCH SLAVONIC TEXT HISTORY**

Типологические и текстологические исследования ранних славянских гимнографических сборников, проведенные в последнее время различными исследователями, убедительно показали, что эти сборники не переводились с греческого единовременно, но компилировались из разновременных переводов, дополнявших начальное «ядро», то есть гимнографию, необходимую для богослужения миссионерского типа. В число данной гимнографии входили последования служб Страстной Седмицы, текстологический анализ которых предоставляет данные о начальных этапах славянской книжности, а также помогает восстановить историю песнопений в византийской традиции. В рамках данной работы мы рассматриваем данные проблемы на материале цикла 12 тропарей из последования Великих Царских Часов Великой Пятницы. Сопоставление данных 15 южнославянских и восточнославянских рукописных богослужебных сборников (Триодь Постная и Стихирарь) с современной литургической традицией и с текстологией греческого текста, выполненной С. Ханерасом, позволило выявить византийские источники славянской традиции и проследить за основными этапами ее формирования. Многообразие текстологических данных ранних списков является результатом компиляций, восходящих к трем относительно независимым переводам с разных греческих источников. Вос-

становление текстологической истории данного цикла на начальных этапах славянской книжности позволяет проследить за последовательным увеличением его объема за счет включения в него гимнографических компонентов, заимствованных из других служб Страстной Седмицы.

Мария Владимировна Корогодина

*Научно-исследовательский отдел рукописей
Библиотеки Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
mvkorogod@gmail.com*

**«ПОВЕСТЬ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ»,
КНИЖНЫЕ СВЯЗИ И КНИЖНОЕ ПИСЬМО
НАЧАЛА XV ВЕКА**

Maria Vladimirovna Korogodina

*Manuscript Department
of the Russian Academy of Sciences Library
St. Petersburg, Russian Federation*

**“THE TALE OF VARLAAM AND JOSAPHAT”:
THE BOOK CONNECTIONS AND BOOK WRITING
OF THE BEGINNING OF THE XV CENTURY**

Благодарности: исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ, № 21-012-41005, «Иерусалим и малоизвестные апокрифы в славянских переводах: текстология, источники, доктрины».

«Повесть о Варлааме и Иоасафе», одно из популярнейших средневековых сочинений, возникшее в VII–VIII вв. на христианском Востоке и переведенное на многие языки, повествует о юном индийском царевиче Иоасафе и мудром старце Варлааме. Повесть, сочетавшая приключенческий сюжет с глубокими философскими рассуждениями о сущности христианской жизни, неоднократно переводилась на славянские языки. Популярность сочинения свидетельствует о широком интересе в славянских землях к сюжетам и идеям, приходившим с христианского Востока: старший древнерусский перевод относился к XI в., сербский перевод появился в XIII в., болгарский – в XIII–XIV вв.

Болгарский перевод Повести стал известен на Руси не позднее начала XV в., поскольку именно к этому времени относится старший восточнославянский список этого перевода (Библиотека Российской академии наук, собр. П. Н. Доброхотова, № 37). Рукопись долгое время бытовала в землях Великого княжества Литовского, о чем свидетель-

ствуют записи на кодексе и особенности его почерка и переплета. Это ставит вопрос, была ли она написана в Литовском княжестве или привезена туда из Московского государства. Рукопись написана на правильном церковнославянском языке, который использовался во всех восточнославянских землях, однако кодекс отличается необычными палеографическими особенностями: написанием половинок букв в конце строки и использованием киноварных инициалов в середине слова. Сходные особенности характерны для узкого хронологического периода, с последней четверти XIV до середины XV в., что соответствует времени создания рукописи из собрания П. Н. Доброхотова. Подобное написание является редкостью и фиксируется лишь в нескольких кодексах, происходящих из северо-западного региона, от Пскова до Белозерья. Это позволяет относить старший восточнославянский список болгарского перевода «Повести о Варлааме и Иоасафе», к северо-западному региону и предполагать, что рукопись была перемещена в литовские земли в XV–XVI вв.

Лидия Викторовна Соколова

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
liiso@mail.ru*

**ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ
В ИЗОБРАЖЕНИИ «СКАЗАНИЯ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»:
КАК ПРИМИРИТЬ ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ?**

Lidiya Viktorovna Sokolova

*Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation*

**THE MAIN CHARACTERS OF THE BATTLE OF KULIKOVO
IN THE IMAGE OF “THE TALES OF THE MAMAI’S BATTLE”:
HOW TO RECONCILE OPPOSING POINTS OF VIEW?**

Можно считать установленным, что «Сказание о Мамаевом побоище» основано на «Летописной повести о Куликовской битве». Однако эти произведения существенно различаются, в том числе по изображению в них героев битвы, т. е. одних и тех же исторических лиц.

В центре «Летописной повести» – Дмитрий Донской, возглавлявший объединенное русское войско. Он представлен защитником Русской земли, талантливым полководцем и храбрым воином. Сражаясь в первых рядах, он не был ранен только благодаря тому, что Бог сохранил его невредимым.

В «Сказании о Мамаевом побоище» образ великого князя московского Дмитрия Ивановича претерпел существенное изменение. По мнению историков М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, Р. Г. Скрынникова, Дмитрий Донской изображен в «Сказании» почти трусом. М. Н. Тихомиров считал, что рассказ о Дмитрии Донском в «Сказании» – это своего рода памфлет, направленный против великого князя. Реальным же героем Куликовской битвы изображен в «Сказании» Владимир Андреевич Серпуховской, возглавлявший засадный полк, благодаря выступлению которого и была одержана победа.

Противоположное мнение было высказано филологами – Л. А. Дмитриевым и А. Н. Робинсоном. По их мнению, Дмитрий Донской изображен в «Сказании» опытным полководцем, отличающимся к тому же личной доблестью и мужеством. Стремясь нарисовать идеальный образ князя, автор пользуется, по мнению Л. А. Дмитриева, религиозной трактовкой образа Дмитрия Ивановича, создавая своего рода «панегирик, приближающийся к агиографическим похвалам». Владимир Андреевич же, по утверждению ученого, служит идеальным примером вассальной верности удельного князя великому князю московскому, но сам он человек безынициативный, и потому как самостоятельная личность автору не интересен.

По нашему мнению, можно «примирить» противоположные точки зрения. По всей вероятности, автор «Сказания» разделил воинские функции между Дмитрием Донским и Владимиром Серпуховским, используя с этой целью мотив двойничества.

Марчелло Гардзанити

*Флорентийский университет
Флоренция, Италия
garzaniti@unifi.it*

**ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ.
ОТКРОВЕНИЯ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XVI ВЕКА**

Marcello Garzaniti

*University of Florence
Florence, Italy*

**THE IMAGE OF A WOMAN
IN THE APOCALYPSE AND ITS REPRESENTATION
IN THE XVIth CENTURY RUSSIAN LITERATURE**

Для того, чтобы понять образ Женщины в Апокалипсисе (Откр.12:1-6) и его отражение в публицистике XVI века, необходимо учесть скудное распространение этой книги в славянской рукописной традиции по отношению к другим книгам Нового Завета. Как правило, Апокалипсис распространялся вместе с толкованием, чаще всего, с толкованиями Андрея Кесарийского. Стоит упомянуть, что эта библейская книга не читалась во время литургии, а предназначалась для личного чтения монахами.

В конце XV века можно наблюдать более широкое ее распространение, что, вероятно, связано с западным влиянием: книга была широко распространена в контексте средневекового профетизма и апокалиптической литературы. Важную роль в этом, несомненно, должно было сыграть обсуждение даты конца света, – вопрос, который беспокоил сознание того времени и в восточнославянском мире был связан с вопросом о седьмом тысячелетии. Именно эти проблемы помогают лучше понять цитаты из Апокалипсиса в таком важном произведении того времени, как «Просветитель» Иосифа Волоцкого. Однако интересы книжников были ограничены определением конца света в горизонте Страшного суда.

Между тем с учетом вышеназванных проблем следует интерпретировать использование образа женщины из Апокалипсиса, который можно прочесть как в «Послании на звездочетцев и латин» Филофея

Псковского, так и в «Слове о нестроениях и безчиниях» афонского монаха Максима Грека. Их трактовка, однако, представляется различной. Старец Филофей использует этот образ для иллюстрации своей идеи о переносе христианской церкви и, вместе с тем, царской власти в Москву, в то время как Максим Грек – для построения диалога, в котором главная героиня – женщина по имени Василия, олицетворяющая образ власти, рассуждает о моральном и социальном упадке царств и княжеств своего времени.

Ирина Анатольевна Лобакова

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
irinairli@mail.ru*

**ЖИТИЕ МИТРОПОЛИТА ФИЛИППА
В ЛАТУХИНСКОЙ СТЕПЕННОЙ КНИГЕ**

Irina Anatolievna Lobakova

*Institute of Russian Literature
(Pushkinsky Dom)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation*

**THE LIFE OF METROPOLITAN PHILIP
IN THE LATUKHIN BOOK OF ROYAL DEGREES**

Фигура митрополита Филиппа (Колычева) притягивала внимание не только создателей агиографических произведений на протяжении всего XVII в., но и составителей исторических сводов¹. Произведения о противостоянии митрополита решению Ивана Грозного разделить царство и его жителей, созданные на основе житийных памятников, вошли в состав исторических сборников [Лобакова, 2004; 2009]. Почти век спустя после трагической гибели митрополита – в 1676 г. – архимандрит Макарьевского Желтоводского монастыря Тихон, создатель Латухинской Степенной книги, включил в свод свою переработку Жития митрополита Филиппа.

Прежде всего необходимо отметить, что источником архимандрита Тихона стал текст Проложной редакции Жития митрополита Филиппа, которая не получила широкого распространения в рукопис-

¹ Памятник был введен в научный оборот А. Н. Насоновым, указавшим 6 списков произведения [Насонов. С. 483–485]. Летописный свод 1652 г. стал предметом специального исследования А. В. Лаврентьева, посвятившего ему ряд статей и диссертационную работу. Анализ Хронографической редакции Жития митрополита Филиппа и тексты трех ее видов см.: [Лобакова, 2006. С. 99–109, 242–261].

ной традиции, возможно потому, что попала в печатный Пролог 1659 г.², (позже – в печатный Пролог 1675 г.).

Совпадения большей части текста Жития в Латухинской Степенной книге и Проложной редакции являются дословными. Значительной переработке подверглась лишь заключительная часть памятника, свидетельствующая о новом замысле автора. Во-первых, рассказ был дополнен эпизодом о казни Михаила Колычева и прислании его головы святителю, известному по основным редакция Жития. Во-вторых, известие о наказании царем противников Филиппа дополнено списком его врагов. В-третьих, завершился текст Жития рассказом о казни по приказу царя его духовника Евстафия, которого даже чудесное избавление от смерти подо льдом Москвы-реки не спасло от гибели: палачи получили приказ государя не лишать спасшегося «страдателнаго венца» и снова столкнуть его под лед. Переработку памятника Тихоном можно считать новой редакцией Жития.

Завершением в этой редакции Жития стал рассказ о смерти двух единомышленников, двух «охранителей души» самодержца – святителя Филиппа и духовника царя Евстафия.

Литература

- Латухинская Степенная книга 1676 г. / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, А. В. Сиринов; отв. ред. Н. Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2012. 880 с.
- Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 312 с.
- Лобакова И. А. Историческая повесть о митрополите Филиппе. Литературные источники и их интерпретация конца XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 301–313.
- Лобакова И. А. «Сказание о царе Иване и о Филиппе митрополите» – новонайденная историческая повесть XVII века об эпохе опричнины // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Наука, 2009. Т. 60. С. 376–393.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 556 с.

² Приношу признательность Н. В. Савельевой, обратившей мое внимание на это издание. В моей монографии 2006 г. «Житие митрополита Филиппа. Исследования и тексты» разночтения к изданию текста Проложной редакции приведены по печатному Прологу 1675 г.

Елизавета Андреевна Юдина

*Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
lvyaznikova@gmail.com*

**ЖИТИЕ ГУРИЯ И ВАРСОНОФИЯ КАЗАНСКИХ:
К ВОПРОСУ ВЫЯВЛЕНИЯ РЕДАКЦИЙ**

Elizaveta Andreevna Yudina

*State Public Scientific Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

**THE LIFE OF GURIAS AND BARSANUPHIUS OF KAZAN:
ON THE ISSUE OF IDENTIFICATION OF RECENSIONS**

Атрибутируемое патриарху Гермогену Житие Гурия и Варсонофия до определенного времени не было объектом подробных исследований. В ряде публикаций, посвященных патриарху Гермогену, оно упоминалось косвенно, и сведения о нём носили довольно общий характер. Результаты изучения языковой специфики Жития отражены в работах лингвиста Т. А. Литвиной (см., например: [Литвина, 1999; 2009; 2014] – исследователь также уделила внимание образу автора в произведениях патриарха Гермогена. Несмотря на подробный всеобъемлющий лингвистический анализ текста, вопрос об определении редакций Жития не был решен в полной мере.

Исследование списков Жития в составе рукописей из фондов московских, петербургских и региональных хранилищ позволяет нам опровергнуть некоторые представления о редакциях Жития, сформулированные в лингвистических публикациях ранее: наречие «*вкратце*» в заголовке не является маркером для отнесения списка Жития Гурия и Варсонофия казанских чудотворцев к краткой редакции. Более того, на данном этапе исследования Жития нельзя с уверенностью сказать об уместности использования формулировки «краткая редакция» при разработке принципов разграничения редакций.

Древнейшие сохранившиеся списки с Житием Гурия и Варсонофия Казанских по своей датировке совпадают с периодом созда-

ния текста митрополитом Гермогеном и имеют единый заголовок: «*Вкратце* о житии и о пребывании иже во святых отец наших пресвященного Гурия, архиепископа первого казанского и священного епископа Варсонофия тферьского, первого архимарита во граде Казани....списано Ермогеном митрополитом казанским, Благослави Отче» (ГПНТБ, Тих. № 355). Следовательно, также неверно полагать, что текст с наречием «*вкратце*» в заголовке не может быть полной редакцией или же являться авторской редакцией Жития.

В докладе приводятся результаты текстологического сравнения ранее не изученных списков Жития, а также предложены новые принципы разграничения списков на редакции.

Литература:

- Литвина Т. А.* Текстовые и языковые особенности Жития Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев: диссертация кандидата филологических наук. Казань, 1999. 191 с.
- Литвина Т. А.* Словообразовательная синонимия в языке Жития казанских святых Гурия и Варсонофия // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. № 1 (16). Казань, 2009. С. 64–69.
- Литвина Т. А.* Языковая личность патриарха Гермогена // Филология и культура. PHILOLOGY AND CULTURE. Серия Филологические науки. Лингвистика. Казань, 2014. № 4. С. 159–164.

Ирина Владимировна Дергачева

*Московский государственный
психолого-педагогический университет
Москва, Россия
krugh@yandex.ru*

ОБРАЗЫ АНГЕЛОВ В СИНОДИЧНЫХ ПРЕДИСЛОВИЯХ

Irina Vladimirovna Dergacheva

*Moscow State University of Psychology & Education
Moscow, Russian Federation*

IMAGES OF ANGELS IN SYNODIC PREFACES

Образы ангелов в синодичных предисловиях играют ведущую роль в посмертной судьбе при описании ситуаций «малой» (индивидуальной посмертной судьбы отшедшего от земной жизни человека) и «большой эсхатологии» (описание Страшного суда). Особую популярность приобрели различные доказательства и объяснения необходимости поминовения усопших в третий, девятый и сороковой дни, а также годичной памяти из Повести о св. Макарии и двух ангелах, заимствованной из Скитского патерика. Встречается с Синодиках и апокрифическое описание литургии, во время которой Ангел Господень возносит души усопших, когда за них читается лития. Ангелы являются душам праведно живших в их смертный час и сопровождают их в Царство небесное.

Синодики – это традиция, возникшая в Московской митрополии и преемственно продолженная Московским патриаршеством. В западнорусских епархиях, канонически не подчиненных русской митрополии, отдельные списки Синодиков XVII в. можно рассматривать как вторичные по отношению к синодичной традиции Московского патриаршества.

В унииатском лицевом Синодике Полтавского Крестовоздвиженского монастыря 1685 г. (НБ МГУ. № 137), наряду с общим поминовением в форме сокращенного изложения Молитвы Кирилла Иерусалимского и родовым и воинским Помянниками содержится «Поминаніе оусопшимъ о Христе от века Праотцемъ и оцемъ и Братіям Нашим, Зде лежащих и Повсюду Православных християнъ». На

листе 1 об. нарисована цветная миниатюра с виршами на синодичную тематику. Полтавский Синодик богато украшен миниатюрами, которые не комментируют текст, но в сочетании с надписями составляют синодичное единство. На листах 2–28 об. помещен интереснейший оригинальный синодичный текст: «Предословие до читателя о бессмертии души, о молитве о умерших, и о ползе преставльшихся душъ во вере православно-кафолической», на листе 28 атрибутируемый тайнописью игумену Полтавского монастыря Лазарю Бузкевичу.

В предисловии к Помяннику, написанном игуменом Лазарем Бузкевичем, затронуты основные эсхатологические темы: бессмертие души, по оставлении тела грядущей на суд Божий; вечное блаженство, уготованное Господом для душ праведных, и вечные мучения для душ грешников. Впервые в синодичных предисловиях встречаем тему «воздушных мытарств», заимствованную из Жития Василия Нового, столь популярную в иконописи и не встреченную ранее в Синодиках Московской митрополии. Эсхатологические догматы утверждаются в полемике с «философской ветхой мудростью, т. е. с языческими греческими философами, в знакомстве с произведениями которых автор проявляет изрядную осведомленность. Большой интерес представляет исследование того, чем душа «разнствуетъ же от аггель».

Анализ данной статьи, которому и посвящен настоящий доклад, показывает, что сама структура Синодика хоть и была заимствованной, но на нее наложилась западнорусская традиция малороссийской риторической школы, в лучших проявлениях которой и написаны предисловия Лазаря Бузкевича.

Тамара Васильевна Панич

*Институт истории
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
tvpanich@ngs.ru*

**ПРЕНИЯ О ВЕРЕ 5 ИЮЛЯ 1682 ГОДА
В «УВЕТЕ ДУХОВНОМ» АФАНАСИЯ ХОЛМОГОРСКОГО
И «СОЗЕРЦАНИИ КРАТКОМ» СИЛЬВЕСТРА МЕДВЕДЕВА**

Tamara Vasilevna Panich

*Institute of History
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

**THE DEBATE ON FAITH ON JULY 5, 1682
IN THE "SPIRITUAL ADMONITION"
BY ATHANASIOS OF KHOLMOGORY AND "BRIEF CONTEMPLATION"
BY SYLVESTER MEDVEDEV**

Знаменитый спор о вере между представителями патриаршей Церкви и старообрядцами, состоявшийся 5 июля 1682 г. в Грановитой палате московского Кремля, нашел отражение в сочинениях современников события, посвященных описанию Московской смуты 1682 г. («История о вере и челобитная о стрельцах» Саввы Романова, «Созерцание краткое» Сильвестра Медведева, «Сибирские послания» Игнатия Римского-Корсакова, «Записки» А. А. Матвеева). Однако самым первым на него откликнулся непосредственный участник диспута Афанасий Холмогорский в антистарообрядческой книге «Увет духовный», написанной им по поручению и от лица патриарха Иоакима (издана в сентябре 1682 г.).

Описание прений, центральным эпизодом которых стала сцена столкновения Никиты Добрынина с автором «Увета духовного», входит в состав введения книги, которое представляет важную часть ее композиционной и смысловой структуры. Здесь архиепископ Афанасий описывает обстановку в Москве, сложившуюся в результате старообрядческих выступлений летом 1682 г., дает свою оценку защитникам «старой веры», показывает, как разворачивались события, кульминацией которых стали прения 5 июля.

Текст «Увета духовного» в части, описывающей эти события, оказал прямое или косвенное влияние на отдельные сочинения современников автора книги. Особенно большое влияние «Увета духовного» прослеживается в тексте «Созерцания краткого» Сильвестра Медведева. Как показывает сравнительный анализ обоих текстов, многие фрагменты, содержащие описание прений 5 июля (и некоторых событий накануне и после диспута), были использованы автором «Созерцания краткого» из книги Афанасия Холмогорского, хотя они подверглись им редакторской правке, позволяющей увидеть некоторые расхождения у обоих авторов в освещении событий, включая разногласия идейного плана.

Сильвестр Медведев, судя по всему, рассматривал текст книги «Увет духовный» как надежное и достоверное свидетельство очевидца. К тому времени, когда шла работа над «Созерцанием кратким» (1684 г.), «Увет духовный», очевидно, был единственным источником, который содержал наиболее полные сведения о старообрядческих выступлениях и прениях 5 июля. Кроме того, книга, написанная от лица патриарха, отражала официальную позицию Церкви относительно происшедших событий, что придавало ей характер авторитетного источника.

Валентина Александровна Мельничук

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
meln@g.nsu.ru*

**РУССКАЯ ИСТОРИЯ XII ВЕКА
В «ЛЕТОПИСЦЕ, СИЕСТЬ КРОНИКЕ»**

Valentina Alexandrovna Melnichuk

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

**RUSSIAN HISTORY OF THE 12TH CENTURY
IN THE CHRONICLER, SIEST KRONIKA**

Украинский хронограф, или «Летописец, си ест Кройника», крупный и яркий памятник XVII века, содержащий сведения по истории Украины, Литвы, Польши, а также древней Руси. Он состоит из двух частей – общеисторической части и «Славянорусской кройники». Для анализа истории XII века древней Руси, представленной в хронографе, нами привлечен один из четырнадцати известных в науке списков памятника – «Тобольский (Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске, отдел рукописных книг, № 88), датируемый началом XVIII в. [Дергачева-Скоп, Ромодановская. С. 121] и переписанный, возможно, в Сибири. В целом памятник можно считать мало изученным. По сравнению с использованными при составлении хронографа источниками – «Хроникой польской, литовской, жмудской и всей Руси» Мацея Стрыйковского и южнорусским летописным сводом конца XIII века, известным составителю в рукописи, близкой к Хлебниковскому списку XVI века, – события XII века древней Руси изложены иначе.

В летописном своде (Хлебниковском списке южнорусского свода конца XIII века), использованном в качестве одного из источников «Славянорусской кройники», историческая событийность транслировалась через образы князей, при этом восхваление одних князей и снижение иных было следствием целенаправленного редактирования источников, выполненного книжником. Таким образом, в едином концептуальном повествовании доминировала одна точка зрения –

составителя Киевского великокняжеского свода XII века. В изложении русской истории XII века в «Славянорусской кройнике» – иной по сравнению с летописью состав известий – более широкий, включающий описание польских, западнорусских событий, в которых участвовали русские князья, меньший налет провиденциализма. Наличие отсутствующих в летописных сводах сведений, касающихся русских князей, описывающих подробно их взаимоотношения с польскими князьями, подчеркивание роли последних – было результатом использования составителем хронографа разных источников, в частности, «Хроники польской, жмудской и всей Руси» Мацея Стрыйковского, многие известия которой почти без изменений отразились в хронографе. Кроме того, Тобольский список отличался обширными вставками известий из Киевского Синописа Иннокентия Гизеля [Князьков. С. 39].

В украинском хронографе представлена иная по сравнению с летописными сводами русская история XII века, отражающая точку зрения книжника, привлекавшего множество русских и польских источников, чтобы показать широкую панораму истории Западной и Северо-Восточной Руси, Литвы и Польши.

Литература

Дергачева-Скоп Е. И., Ромодановская Е. К. Собрание рукописных книг Государственного архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 1975. С. 64–143.

Князьков Ю. П. Украинский хронограф как источник по отечественной истории : дис. ... канд. ист. наук / Князьков Юрий Петрович. Днепропетровск, 1984. 241 с.

**Станислав Маркович Ермоленко,
Феодор Петрович Кизюн**

*Новосибирская православная духовная семинария
Новосибирск, Россия
filmusart87@mail.ru*

**МОЛИТВЫ НА БЛАГОСЛОВЕНИЕ КОЛИВА
В РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ СЛУЖЕБНИКАХ И ТРЕБНИКАХ:
ОТ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕКСТУАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ
К СОВРЕМЕННОЙ УНИФИКАЦИИ**

**Stanislav Markovich Ermolenko,
Feodor Petrovich Kiziun**

*Novosibirsk Orthodox Theological Seminary
Novosibirsk, Russian Federation*

**PRAYERS FOR THE BLESSING OF KOLIV IN RUSSIAN
ORTHODOX LITURGICAL ORDINALS AND PRAYER BOOKS:
FROM MEDIEVAL TEXTUAL DIVERSITY TO MODERN UNIFICATION**

Русские средневековые тексты православных молитв на благословение колива представляют исследовательский интерес как образцы церковно-поэтического искусства. Требуют изучения вопросы поэтико-риторической организации, композиционного устройства и идейно-тематического наполнения их текстов, а также проблемы выявления литературного окружения и литургической практики употребления исследуемых молитвословий.

В рукописных и старопечатных богослужебных сборниках XIV–XVII веков выявлены четыре различных текста молитвословий на благословение колива. Условно обозначим их как праздничное, всенедельное, заупокойное и оригинальное (не переводное) русское. Литургическая практика употребления этих молитв отчасти может быть зафиксирована в рукописных и печатных заглавиях к их текстам.

Поэтико-риторические особенности текстов молитвословий на освящение кутьи не были объектом специального исследования. Несмотря на текстуальные различия, все четыре молитвы композиционно можно поделить на три части: *призыв*, включающий в себя анафезу (обращение к Господу) и анамнезис (вспоминание о делах

Божиих), *эпikleзу*, состоящую из прошений, и *утвердительную часть*, подразделяющуюся на славословие и аккламацию (аминь).

Праздничное молитвословие выделяется возвышенным, торжественным характером, содержит мысль об особом Божественном промыслении о христианах, во всем уповающих на Вседержителя и хранящих свою веру непоколебимой. Данная молитва отличается от других указанием на ветхозаветный сюжет о Данииле и трех отроках (Дан. 1: 1–16) и наличием пяти прошений: о благословении колива, о молящихся, о скончавшихся, о приготовивших кутью, о заступничестве Богородицы и святых. В текстах других молитвословий количество прошений меньше.

Текст всedневной молитвы отличается краткостью. Главная мысль, выраженная в тексте: всякое творение Божие создано для пользы человека. От других молитвословий текст отличается включением в его состав воспоминания чуда с пятью хлебами (Мф. 14:15–21). По сравнению с праздничной не имеет прошения об усопших.

Заупокойное молитвословие выделяется скорбным характером, выражает упование людей на Бога и содержит прошение о спасении души усопшего. В рукописных и печатных текстах молитвы, датированных ранее середины XVII века, имеется указание на притчу «О богаче и Лазаре» (Лк. 16:22), но после никоновской справы эта часть исключается из молитвословия. В тексте молитвы четыре прошения: о благословении кутьи, о молящихся и два особых прошения об усопшем (о даровании ему помилования и Царствия Божия).

«Русское» молитвословие, названное так иеромонахами Иларием и Арсением, составителями «Описания славянских рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры» [Арсений, иером., Иларию, иером.], в значительно большей степени отличается от разобранных текстов и обладает признаками оригинального церковно-поэтического сочинения, сохраняя при этом трехчастную композицию. Одно из важных отличий – большой объем этой молитвы, что объясняется высокой частотой использования в тексте перечней (рядов перечислений) как особого поэтико-риторического приема.

Современный состав текстов молитв на благословение колива представляется более ограниченным и унифицированным, чем в рукописной и старопечатной традиции русского средневековья. В богослужебные сборники нашего времени включены тексты праздничной и заупокойной молитв, однако повсеместное употребление имеет только первый из них, так как его использование закреплено в богослужебных указаниях [Богослужебные указания. С. 202].

Изученный материал позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Поэтико-риторическая организация текстов прощительных молитв, к которым принадлежит молитвословия на благословение колива, включает структурно-композиционное ядро и периферические компоненты. Трехчастная композиция является «жанрово-конструктивной» основой, к которой крепятся «вспомогательные» элементы (по терминологии Е. И. Дергачевой-Скоп). Жанрово-конструктивный фундамент остается неизменным в рукописной и старопечатной традиции молитв на благословение колива, сохраняется и в дореформенных текстах, и после никоновской справки, остается стабильным от средневековья до актуального настоящего. Однако именно переменчивые жанрово-вспомогательные элементы становятся отличительными чертами каждого изученного текста, транслируют особое богословско-догматическое содержание, выражают различные повседневные нужды и житейские потребности верующих, а также календарную взаимосвязь конкретного текста с событиями годового церковно-богослужебного круга.

Литература

- [*Арсений, иером., Иларию, иером.*] Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1878. 261 с.
- Богослужебные указания на 2022 год. Для священно-церковнослужителей. М.: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2021. 1056 с.

Татьяна Николаевна Илюшечкина

*Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
tatiana.ilyushechkina@yandex.ru*

**РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ НЕМЕЦКОГО ПЕРЕВОДА
«ОПИСАНИЯ СИБИРИ»
(географическая часть)**

Tatiana Nikolaevna Ilyushechkina

*State Public Scientific Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

**THE HANDWRITTEN TRADITION OF THE GERMAN TRANSLATION
OF “DESCRIPTION OF SIBERIA”
(Geographical Part)**

Исследование литературной традиции памятника русской литературы последней трети XVII века «Описание Новья земли, сиречь Сибирскаго царства, и Московскаго государства», известного в исторической науке как «Описание Сибири» и приписываемого подъячму Посольского приказа Никифору Венюкову, основывается на изучении русской рукописной традиции сочинения, его немецкого перевода и голландской версии в их отношении к русской редакции и ее контексту.

Немецкий перевод «Описания Сибири», созданный не позднее августа 1697 г. и современный известным русским спискам (кроме Рум. 294), принадлежит перу Э. Г. фон Бергена, тайного секретаря и переводчика курфюрста Бранденбургского. В отечественной научной литературе немецкий список лишь единственный раз указывается М. П. Алексеевым в его книге «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей» – ошибочно под шифром ныне хранящегося в Кракове русского списка «Описания Сибири». Позже А. И. Андреев упоминает о немецком переводе «Описания Сибири» без уточнения шифра рукописи в «Очерках по источниковедению Сибири. XVII век». Оба известных историка, несомненно, способство-

вали введению в научный оборот сведений о существовании рукописи с переводом русского сочинения на немецкий язык, но изучить эту рукопись никому из них, видимо, не пришлось.

Наше обращение к немецкой рукописи *Staatsbibliothek-zu Berlin-Preussischer Kulturbesitz, Deutschland, Ms.Germ.Qu. 231* с ее оригинальным названием «*Eigentliche und richtige Beschreibung NOVA ЗЕМЛЯ, oder des Neuen Landes, und Königreichs Siberien...*» было обусловлено исследованием рукописно-книжной традиции «Описания Сибири» и важностью выявления генетической связи немецкого произведения с русским литературным сочинением. Эта часть исследования была построена на обосновании результатов детального текстологического анализа списков «Описания Сибири» в сравнении с единственным немецким списком, в свое время упоминавшимся нашими предшественниками М. П. Алексеевым и А. И. Андреевым.

Вместе с тем, недавно стал известен второй список немецкого сочинения «*Eigentliche und richtige Beschreibung NOVA ЗЕМЛЯ, oder des Neuen Landes, und Königreichs Siberien...*», хранящийся на территории Российской Федерации – список *НИОР БАН, Санкт-Петербург, Q № 50*.

Краткая информация о нем содержится в хорошо известном издании 1958 г. «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Выпуск II. XIX–XX века», однако, нам не известно ни одного исследования интересующего нас «Описания Сибири», в котором петербургский список его немецкого перевода хотя бы упоминался.

Первые результаты сверки текстов двух немецких списков в объеме первой – исторической – части сочинения, для которой Е. И. Дергачевой-Скоп было введено условное название «О взятии Сибири Ермаком», между тем, позволили сделать вывод о большой близости (хотя и не полной идентичности) берлинского и петербургского списков и высказать предположение о возможности существования рукописной традиции немецкого перевода «Описания Сибири». Итоги этой части исследования были представлены на предыдущей конференции «Источниковедение литературы и языка (археография, текстология, поэтика)».

Мы рассматриваем обе немецкие рукописи в сравнении: внешнее оформление следующих после вступительной исторической части сочинения листов книжного блока с географическим описанием Сибири, своеобразие расположения текста на страницах условной «второй части» нового списка и ранее известного, самое пристальное

внимание обращаем на текстологические различия основного текста и маргиналий географической части двух немецких списков памятника. В немецкой редакции памятника, как и в оригинальной русской, объем текста географической части произведения существенно превышает объем исторического предисловия к «Описанию Сибири». В этой части читаются: обширное географическое описание речных путей, степных и горных дорог из Москвы в Китай через Сибирь, небольшие вставки исторического содержания в рассказах на географические темы, разного рода этнографические очерки.

В докладе представлены результаты сравнительной характеристики текста географической части берлинского и петербургского списков сочинения «*Eigentliche und richtige Beschreibung NOVA ZEMLA, oder des Neuen Landes, und Königreichs Siberien...*». Делается вывод о том, что выявленные общие и индивидуальные особенности исторической и географической частей двух немецких текстов убедительно доказывают существование рукописной традиции немецкого перевода «Описания Сибири».

**ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЛАВЯНО-РУССКИХ КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ
И ПРОБЛЕМЫ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Анна Абрамовна Пичхадзе

*Институт русского языка имени В. В. Виноградова
Российской академии наук
Москва, Россия
rusyaz@yandex.ru*

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЙ
В «ВОПРОШАНИИ КИРИКА, САВВЫ И ИЛЫ»**

Anna Abramovna Pichkhadze

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

**THE SYNTACTIC FUNCTIONS OF PARTICIPLES
IN THE “QUESTIONS OF KIRIK, SAVVA AND ILYA”**

«Вопрошание Кирика, Саввы и Ильи», созданное в середине XII в., содержит вопросы новгородских священников новгородскому епископу Нифонту и ответы Нифонта на эти вопросы. Памятник отличается ярким своеобразием в использовании языковых средств, в том числе синтаксических. В частности, в «Вопрошании», несмотря на небольшой объем текста, представлен с уникальной полнотой репертуар причастных конструкций, в которых причастие выполняет предикативную функцию, т. е. функцию сказуемого. Благодаря этому памятник дает большой материал для изучения разных грамматических процессов, связанных с эволюцией предикативных причастий.

Прежде всего, «Вопрошание» позволяет наблюдать утрату склонения у русских причастий в предикативной функции к середине XII в. Несклоняемое причастие в застывшей форме на *-че/-ше* (исконно

форме множественного числа мужского рода в именительном падеже) отмечено здесь при невыраженном или зависимом субъекте:

1) при имплицитном (невыраженном) субъекте инфинитива: *А хотаче комоу причащатиса в неделю, то в соботу измытиса рано* 'А хотящему (= если кто-то хочет) причащаться в воскресенье [нужно] в субботу рано омыться' Кирик, вопрос 57;

2) в обороте «винительный с причастием»: *яже оу собе кладоутъ дѣти спаче и оугнѣтають, то оубиства ли естъ* 'те, кто кладут у себя спящих детей и давят, то убийство ли это?' Илья, вопрос 4;

3) при невыраженном субъекте в абсолютном обороте: *Аще ли речеть оумретъ дита не крещено. небрежениємъ родитель. и(лі) поповымъ велми за дѣегоубіе* [в других списках далее: *поста, постъ*] .ѣ. лѣ(тѣ). *аще ли не ведоуче то нетоу епитемии* 'Если же, говорит, умрет ребёнок некрещеным, по небрежности родителей или попа, то за душегубство [пост] 3 года; если же по неведению, то нет наказания' Савва, вопрос 3.

В «Вопрошании» многократно засвидетельствовано употребление причастия (а не личной формы глагола) в придаточных, присоединяемых местоимениями и наречиями произвольного выбора (т. е. со значением 'любой'), характерное для генерических контекстов: *Ци приливати воды к виноу коли даюче* 'Добавлять ли воды к вину [всякий раз,] когда даем?' 13; *двѣма свѣщема подобають зажженома быти. или .ѣ.мѣ. или колико хотаче ладно* 'две свечи должны быть зажжены или четыре или какое угодно чётное число' Кирик, вопрос 38.

Особую ценность имеют контексты, в которых причастный оборот заполняет обязательную валентность главного предиката, т. е. является синтаксическим актантом. В древнерусской письменности такие случаи крайне редки: *мнѣ рѣци грѣхъ не моливше* 'мне, скажи, грех не сказать' Кирик, вопрос 4; *аже ли жена съ инѣмъ. то мужъ не виноватъ поускаа ю. аже ли мужъ на жену свою. не разидеть* [лазитъ С, Р] *безъ свѣта. то жена не виновата идоучи ѿ него* 'Если же жена с другим, то муж не виноват, разводясь с нею; если же муж не вступает в сексуальные отношения с женой, жена не виновата, разводясь с ним' Кирик 92-93. По-видимому, такое употребление причастия является реликтовым.

Материал «Вопрошания», таким образом, дает нетривиальную и важную информацию о синтаксических функциях причастий в древнерусском языке.

Леонид Григорьевич Панин

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
leonid.panin.00@mail.ru*

ЗАГАДКИ ДРУЦКОГО ЕВАНГЕЛИЯ

Leonid Grigorievich Panin

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

MYSTERIES OF THE DRUTSK GOSPEL

1. Л. П. Жуковская и Друцкое Евангелие. Будучи студентом 4-го курса, был на докладе в Доме Ученых СО АН СССР, в котором Л. П. Жуковская говорила о своих результатах исследования славяно-русских списков Евангелия, а несколькими днями позже присутствовал на лекции Лидии Петровны в Отделе рукописей и редких книг ГПНТБ СО АН СССР, в которой она увлеченно говорила о необходимости кодикологического, текстологического анализа в лингвистическом изучении славяно-русского рукописного наследия. И показывала это на примере Друцкого Евангелия. И с тех пор эти две реалии Славянской Русистики (или Русской Славистики) – Друцкое Евангелие и Л. П. Жуковская – не только покорили меня навсегда, но стали созвучными и соимёнными.

Показательно, что и последний мой разговор (уже по телефону) с Лидией Петровной касался Друцкого Евангелия. Я просил ее благословения заняться исследованием языка этого текста и его изданием. Лидия Петровна очень сочувственно отнеслась к этой затее, дала множество рекомендаций.

2. Почему список называется Друцким Евангелием. Данный список XIV в. называется Друцким Евангелием благодаря вкладной (жалованной) записи XI в., перешедшей, как надо полагать, из протографа.

Рукопись содержит две записи. Первая из них датируется 6509 (=1001 !) годом, которая, как полагал акад. Н. Н. Покровский [Покровский. С. 11], была переписана одним из писцов Друцкого Евангелия с протографа рукописи. Именно первая запись мотивирует то, что в

научный обиход данный список, выполненный, как показывает наш лингвистический анализ, в Новгороде, вошел под названием Друцкого Евангелия.

3. Писцы и тетради Друцкого Евангелия. Основной текст (т. е. текст Евангелия-апракос) был переписан семью писцами; восьмой писец выполнил заглавия чтений, девятым почерком выполнена вкладная (жалованная) запись, содержащая информацию о создании в г. Друцке в 1001 году церкви во имя Пресвятой Богородицы. Еще одним, более поздним по отношению ко времени переписывания рукописи, почерком была сделана запись 1441 г. о вкладе данной рукописи в Виленский храм.

Перенос самой записи (если это был перенос, а использование последнего листа протографа) скорее всего не был случайным, не возник он и благодаря порыву мастера, возглавившего работу над рукописью, но был выполнен по желанию заказчика. Можно допустить, что оригинал XI в. был в ветхом состоянии и понадобилась современная копия, «рабочая», т. е. для использования ее в повседневном богослужении. Но здесь возникает вопрос, насколько необходимо было в этом случае переносить исходную вкладную запись? Если и мог появиться здесь перенос записи, то он был бы отражением случая, прихоти писца. Но факт переписывания особым писцом, большим мастером, которому удалось скорее всего передать и графические особенности оригинала (даже по сравнению с первым почерком данный почерк выглядит весьма архаично), и, что для меня очевидно, выполнение этой работы до завершения (задолго до завершения?) переписывания всей рукописи, исключает это. Логично предположить, что заказчик хотел получить список именно с этой рукописи, поскольку именно она была важна (дорога, памятна и т. д.) для него. Напрашивается мысль о (младшем) княжиче, отбывающем из родного Друцка и увозящем с собой не просто память о семье, родных, но важнейшее свидетельство династических связей, очень древних.

Характер работы писцов, общее состояние почерков свидетельствуют о том, что работа по переписыванию должна была выполнена в сжатые сроки, особенно торопились писцы, когда переписывали месяцеслов. Это обстоятельство является чрезвычайно важным для исследования месяцеслова Друцкого Евангелия, ибо даёт все основания полагать, что этот месяцеслов древний, без изменений перенесённый из протографа XI в.!

Но вместе с тем рукопись «выписана» достаточно тщательно, она украшена буквицами, хотя поспешность выполнения работы, выте-

кающая из анализа почерков последних тетрадей, пропуск киноварных заголовков в середине 4-й тетради, достаточно многочисленные ошибки в определении Евангелистов (а эта работа велась по завершении основной писцовой), заставляет предполагать если не срочность всего заказа, то его завершения. Почему-то понадобилось срочно закончить работу.

Особого замечания требует количество строк в тетрадях.

4. О Диалектных особенностях писцов. Анализ диалектных особенностей всех писцов, переписывавших текст, обнаруживает новгородское происхождение рукописи. Касается это, разумеется, прежде всего фонетики, но и факты морфологии подтверждают это.

5. О месте Друцкого Евангелия среди других списков. То заключение, которое можно сделать на основе анализа повторяющихся чтений Евангелия от Иоанна в изучаемой рукописи, будет, безусловно, предварительным, но уже сейчас видно следующее. Друцкое Евангелие дает примеры явных связей с Древним текстом, одни из которых проявляются в чтениях по Пасхе, другие – в чтениях Великого поста, Страстной седмицы. Имея в виду тот факт, что писцов было несколько и работали они (по крайней мере некоторые из них) одновременно, вероятным будет предположение о работе с разрозненными тетрадями протографа. Для дальнейшего анализа перспективным представляется изучение возможных близких связей Друцкого Евангелия с Карпинским, Юрьевским и Архангельским.

6. Об издании Друцкого Евангелия и справочных материалах. В настоящее время вопрос об издании Друцкого Евангелия – это вопрос о тех справочных материалах, которые должны сопровождать текст. Справочные материалы (помимо вступительной статьи) в издании Друцкого Евангелия должны содержать: назначение чтений и содержание текстов в их последовательности; месяцеслов Друцкого Евангелия в сопоставлении с другими списками (Мстиславовым Евангелием, Остромировым Евангелием, Архангельским Евангелием, Саввиной книгой).

После выхода изданий славянского Евангелия от Иоанна [1998] и Евангелия от Матфея [2005] под ред. А. А. Алексева и, главное, после выявленных этим исследователем этапов редакторской работы со славянским (в том числе и со славяно-русском) переводом мне представляется необходимым обязательное обращение к Древнему тексту. Этот Древний текст в названном издании представлен Марининским Евангелием, а также Типографским Евангелием (там, где у Марининского не сохранились листы). Издание Друцкого Евангелия

должно содержать сведения о разночтениях с Древним текстом, и, как мне кажется, этот принцип хорошо было бы применить и при издании других текстов³.

Равным образом, видимо, пришло время на деле показать, что славянская (славяно-русская) традиция Евангелия – это часть традиции Евангелия, доминантой которой является греческий текст (в один из своих докладов на свой страх и риск ввёл понятие *презумпция греческого текста* при изучении славяно-русских списков Евангелия).

При издании конкретного славяно-русского списка Евангелия это означает обращение по крайней мере к критическому изданию греческого текста. 27-е издание (и 28-е, содержащее электронную версию) Nestle–Aland [1993] может служить вполне надежным справочником подобного рода. Вопрос об использовании греческого текста при издании славянского (славяно-русского) Евангелия – тема особого разговора. Здесь же я бы хотел обратить внимание на тот принцип использования греческого текста, который предполагаю осуществить при издании Друцкого Евангелия. «Точкой отсчета» издания является не греческий текст, что было бы логичным при подготовке греческого текста Евангелия и его иноязычных традиций (независимо от языка перевода), но текст Друцкого Евангелия в сопоставлении с Древним текстом, следовательно, обращение к греческому тексту мотивировано только в тех случаях, когда между Друцким Евангелием и Древним текстом есть разночтения.

Литература

- Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л. П. Жуковской. М.: Наука, 1983. 526 с.
Архангельское Евангелие 1092 года. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели / Изд. подготовили Л. П. Жуковская, Т. Л. Миронова. М.: Скрипторий, 1997. 667 с.
Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб.: Российское Библейское общество, 1998. 53, 98, 82 с.
Евангелие от Матфея в славянской традиции. СПб.: Российское Библейское общество, 2005. 181, [1] с.

³ В качестве учебной в рамках спецсеминара на кафедре древних языков НГУ подобная работа ведется студентами с текстами Саввиной книги, Остромирова Евангелия и Евангелия из собрания Троице-Сергиевой лавры (РГБ, ф. 304.1, № 5). Текст первых двух рукописей приводится по соответствующим изданиям, а текст Троицкого Евангелия – по электронной версии.

- Зализняк А. А.* Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2003. С. 190–212.
- Покровский Н. Н.* Христианская традиция в российской и сибирской истории // Филологъ. № 2, 2001. С. 6–20.
- Радомирово Евангелие / Изд. Р. Угринова-Скаловска, З. Рибарова. Скопје, 1988. Handkonkordanz zum griechischen Neuen Verlag: Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft Erscheinungsdatum: 1989.
- Nestle-Aland.* Novum Testamentum Graece. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1993, 27 th. edition.

Олег Феофанович Жолобов

*Казанский федеральный университет
Казань, Россия
ozolobov@mail.ru*

**К ИСТОРИИ ВТОРИЧНЫХ ИМПЕРФЕКТИВОВ
СЪДЪВАТИ – СЪДЪЛОВАТИ – СЪТВАРЯТИ**

Oleg Feofanovich Zholobov

*Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russian Federation*

**ON THE HISTORY OF SECONDARY IMPERFECTIVES
СЪДЪВАТИ – СЪДЪЛОВАТИ – СЪТВАРЯТИ**

Лексический глагольный ряд *съдъвати – съдъловати – сътваряти* в древнерусской письменности образует синонимическую цепь со значениями 'делать, совершать', 'производить, создавать', согласно данным «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» и «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Данные глаголы в свою очередь являются вторичными имперфективными образованиями по отношению к другой синонимической цепи – перфективным глаголам *съдъяти – съдълати – сътворити*. Тесные лексические отношения глаголов отразились в развитии симметричных видовых пар, при том что в имперфективации были задействованы разные морфонологические средства. Вторичные имперфективные образования способствовали переводу семантической структуры перфективных глаголов в имперфективный план. Так, десяти значениям глагола *сътворити* соответствуют десять значений глагола *сътворяти* с небольшими отступлениями от полного параллелизма в лексических значениях. В этом отношении второй глагол имеет не полностью самостоятельный, зависимый характер, являясь имперфективным отражением семантической структуры первого, исходного глагола. Для глагола *съдъяти* имперфективная параллель *съдъвати* яснее очерчивала грамматический аспектуальный статус исходной лексемы, поскольку некоторые контексты, согласно данным «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» характеризуют глагол *съдъяти* как двувидовой. Квантитативные показатели фиксируют маргинальное положение вто-

ричных имперфективов, что в диахронической перспективе отразилось в их утрате. Безусловно, важную роль в этом процессе сыграло то, что вторичные имперфективы являлись третьей частью трехчленной видовой цепи с начальным имперфективом типа *дѣлати – сѣдѣлати – сѣдѣловати*. Квантитативные характеристики по данным древнерусского словаря, в котором приводятся количественные данные картотеки, для глаголов *дѣлати – сѣдѣлати – сѣдѣловати* следующие: 542 – 154 – 29. Вторичные имперфективы находились, таким образом, в конкурентном противостоянии с первичными имперфективами, которые имели преимущество перед ними как исходные лексико-грамматические единицы для перфективов. Трехчленные видовые цепи не разрушаются, если крайние члены не вступают в семантическую конкуренцию (см., например, в современном русском языке цепи *рисовать – разрисовать – разрисовывать, слабить – ослабить – ослабевать*).

Людмила Васильевна Долгушина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
l.v.dolgushina@mail.ru*

СИНОНИМИЯ В РАННИХ СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ С ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Ludmila Vasilevna Dolgushina

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

SYNONYMY IN THE EARLY SLAVIC TRANSLATIONS FROM GREEK

Практически все исследователи, обращавшиеся к изучению текстов раннего периода существования славянской письменности, отмечали наличие в этих текстах явления синонимии или лексического варьирования. Это явление было отмечено еще А. В. Горским и К. И. Невоструевым, ему уделили внимание патриархи славистики И. Добровский, И. В. Ягич, А. Х. Востоков, П. Шафарик, Г. А. Ильинский и множество других ученых прошлого. Тема лексического варьирования не ушла на периферию интереса ученых и в более позднее время. Назовем только несколько имен ученых, занимавшихся и занимающихся этим вопросом: А. М. Камчатнов, М. С. Крутова, А. Шьоберг, Л. Г. Панин, О. Г. Щеглова, М. И. Чернышева, этот ряд можно долго продолжать.

Чаще всего лексическое варьирование считают результатом бытования текста, внесения в него правок при переписывании или редактировании. Многие ученые идут еще дальше, и наличие синонимии вносят в число критериев, позволяющих отличить новый перевод текста от редакции. (Здесь можно упомянуть работы Л. Тасевой, И. Н. Лебедевой, О. В. Gladkoy и др.). В тоже время есть и менее распространенная точка зрения: Е. М. Верещагин, например, считает, что наличие синонимов объясняется не бытованием памятников, а было изначально свойственно переводческой технике просветителей славян Кирилла и Мефодия. Если обратиться к конкретным текстам, мы можем найти подтверждения именно последней точки зрения. Так, в

Изборнике 1073 года мы часто встречаем вариативность при переводе одного и того же греческого слова, при этом некоторые варианты невозможно объяснить последствиями ошибок писцов, правок, редактур. (Например, одинаково часто св. Григорий Богослов именуется «Θεολογъ» и «Богословьць»). В возникающих синонимических рядах немалую роль играла и заимствованная лексика.

Конечно, не вызывает сомнения, что часть лексических вариантов в древнейших славянских памятниках появились именно в процессе бытования этих произведений, в результате ошибок при переписывании с последующим исправлением или намеренных правок, отражающих как индивидуальную манеру справщика или переписчика, так и территориальные особенности или временные изменения языка. Но также рукописи свидетельствуют, что изначальный подход переводчиков кирилло-мефодиевской школы, а также их учеников и более отдаленных последователей, предполагал широкое использование синонимов.

Анета Маринова Тихова

*Шуменский университет
им. Епископа Константина Преславского
Шумен, Болгария
a.marinova@shu.bg*

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКЕ ТЫРНОВСКОЙ РЕДАКЦИИ СТИШНОГО ПРОЛОГА

Aneta Marinova Tihova

*Konstantin Preslavsky University of Shumen
Shumen, Bulgaria*

ON THE VOCABULARY OF THE TURNOVO EDITION OF THE PROLOGUE IN VERSE

Актуальность исследования определяется тем, что лексика календарного агиографического сборника Стишной Пролог (= СтПр) изучена частично. Проведен обзор библиографии по данной теме [Щеглова, Гончаренко].

В исследовании представлены 26 составных существительных, названий лиц, с низкой частотой употребления (от 1 до 7), образованных составно-деривационным способом с помощью суффикса **-ьць**, которые имеют в общей сложности 73 словоупотребления. *Цель разработки: представить рассматриваемые существительные в полном объеме, как со структурной, так и с семантической точки зрения.*

Лексемы систематизированы в две группы и имеют пять подгрупп. В одну группу входят существительные с общим первым компонентом **бог-**, **доуш-**, **зло-**, **знаме-**, **сам-** : например, **богоборьць**, **доушелюбець**, **зломысльць**, **знаменоносць**, **самовидьць**. Другая группа включает композиты с общим вторым компонентом **д'ѣл-**, **люб-**, **нос-**, **страд-**, **ид-** : например, **земед'ѣльць**, **миролюбьць**, **венценосць**, **пръвострадалць**, **кръвоидьць**. Формы цитируются в контексте для иллюстрации семантики. Данные представлены с лексикографическими ссылками, а существительные сравниваются с классическими древнеболгарскими памятниками, со словарями Миклошича, Срезневского, церковнославянского и современного болгарского языка.

Установлено, что исследуемые лексемы имеют идентичную словообразовательную структуру; существительные **злодѣиць**, **лъжнолюбьць**, **самодѣльць** и **щедролубьць** не встречаются в используемых словарях и обогащают лексический фонд среднеболгарского периода; **доушелюбьць**, **зломысльць** и **самоборьць** засвидетельствованы только в прологах XIV, XVI и XVII вв. В современном болгарском языке сохранились: *богоборец*, *боговидец*, *боголюбец*, *богоносец*, *богоприемец*, *христолюбец*, *душегубец*, *земделец*, *злodeец*, *миролюбец*, *победоносец*, *човекоядец*; *венценосец* и *знаменосец* сохранились с измененной семантикой. Исследование позволяет представить динамику в развитии языка, так как некоторые лексемы сохранились до наших дней, а другие вышли из активного употребления.

Литература

Щеглова О. Г., Гончаренко Е. А. К изучению лексики Стишного Пролога: тематическая группа номинация артефактов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 2: Филология. С. 9–22.

Ольга Георгиевна Щеглова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
scheglova@post.nsu.ru*

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ РАЗНОЧТЕНИЯ В СТИШНОМ ПРОЛОГЕ
КАК ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕТЫ РЕДАКЦИЙ**

Olga Georgievna Shcheglova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

**LEXICAL DISCREPANCIES IN THE STISHNOY PROLOGUE
AS TEXTUAL SIGNS OF EDITIONS**

В лингвотекстологическом исследовании памятников письменности, сохранившихся в достаточном количестве списков, важным этапом является выявление текстологических примет, по которым списки можно объединить в группы. Общие и различающиеся текстологически значимые черты списков помогают установить ближайшие родственные рукописи, показывают взаимосвязи между исследуемыми списками, тем самым являются важной основой для воссоздания истории бытования памятника.

Нами исследованы 40 списков Стишного Пролога, содержащие чтения на март-август. К текстологически значимым различиям, на основе которых нами было выделено 5 редакций памятника, мы относим: отсутствие памяти, наличие дополнительных памяти, нахождение одних и тех же памяти под разными числами в разных списках, различный порядок чтений на один день. Редакции также могут различаться типами чтений: память (только заголовков), память (заголовок) со стихом, память со стихом и житием, память с житием, без стиха. Находящиеся в составе Стишного Пролога нравственно-назидательные повествования также могут различаться текстологически. Важную роль в отнесении рукописей к той или иной редакции играют и лексические разночтения.

Лексические разночтения представлены двумя видами: различие в именах собственных, что свидетельствует о неполной освоенности иноязычных имен собственных в церковнославянском языке, часть

лексических различий может быть вызвана описками или ошибками прочтения протографа (например, слова под титлами или числительные) и собственно лексические различия, которые могут быть содержательными, и вариантными, последние указывают на наличие развитой синонимии в церковнославянском языке.

В докладе рассматриваются лексические разночтения в заголовках памятней. Это те разночтения, которые, что называется, лежат на поверхности. Они могут быть индивидуальными, то есть встречаются только в одной рукописи из группы списков. А могут быть общими для нескольких списков. Лексические разночтения, повторяющиеся в двух и более рукописях, являются, на наш взгляд, показателями общности происхождения списков и их генетической близости. Наряду с другими текстологическими приметами общие лексические разночтения позволяют объединить более близкие списки в подгруппы внутри групп, а также выделить редакции памятника, тем самым определить текстологические связи между исследуемыми списками Стишного Пролога и получить представление об истории их бытования в средневековой Руси.

**Ирина Владимировна Азарова
Елена Леонидовна Алексеева
Елена Андреевна Рогозина
Константин Владимирович Сипунин**

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
renehorn.r@gmail.com*

**РАЗМЕТКА И АНАЛИЗ ЭЛЕМЕНТОВ СОДЕРЖАНИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ КОРПУСЕ
АГИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (СКАТ)**

**Elena Leonidovna Alekseeva
Irina Vladimirovna Azarova
Elena Andreevna Rogozina
Konstantin Vladimirovich Sipunin**

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

**MARK-UP AND ANALYSIS OF CONTENT ELEMENTS
IN ST. PETERSBURG CORPUS
OF HAGIOGRAPHIC TEXTS (SKAT)**

СКАТ – электронный корпус агнографических церковнославянских текстов XV–XVII вв., созданный на кафедре математической лингвистики СПбГУ. В рамках проекта ведется работа по структурированию текстов в формате XML: вводится морфологическая и синтаксическая разметка [Алексеева, Азарова, 2013].

Также в корпусе вводится разметка содержательных элементов. В первую очередь размечаются основные элементы сюжета. Структура житий во многом схожа, поскольку тексты строились по определенному канону и при создании новых текстов авторы ориентировались на уже существующие образцы, так что многие жития были построены по установленной схеме [Кадлубовский, 1902]. Анализ входящих в корпус текстов позволил выявить общую для них сюжетную схему и создать для размеченных текстов своего рода оглавления, которые упрощают работу с отдельными разделами и позволяют сравнивать одинаковые элементы сюжета в разных житиях.

В рамках проекта также осуществляется поиск и разметка библейских, святоотеческих и литургических цитат в житийных текстах корпуса. Сопоставляя эти виды разметки элементов содержания, можно отслеживать распределение цитат по текстам и элементам сюжетной схемы. Это позволяет находить закономерности в использовании цитат или выявлять цитаты, характерные для определенных разделов.

Кроме того, вводится разметка повторяющихся фрагментов текстов. Как уже упоминалось, при написании новых текстов авторы свободно пользовались текстами предшественников, иногда адаптируя или сокращая текст, а порой заимствуя целые фрагменты текста [Панченко, 2003]. Анализ текстов в корпусе СКАТ позволяет обнаружить многочисленные текстовые фрагменты, воспроизводимые разными авторами. Разметка помогает постепенно накапливать реестр таких фрагментов и делает возможным их выделение в других текстах житий.

Литература

- Алексеева Е. Л., Азарова И. В.* Особенности морфо-синтаксической разметки древнерусских агиографических текстов // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2013». СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2013. С. 157–164.
- Кадлубовский А. П.* Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902.
- Панченко О. В.* Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике, гимнографии) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 54. С. 491–534.

Виктор Аркадьевич Баранов

*Ижевский государственный технический университет
имени М. Т. Калашникова
Ижевск, Россия
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
victor.a.baranov@gmail.com*

**ИСТОРИЧЕСКИЙ КОРПУС
СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ «МАНУСКРИПТ»
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРС
(количественно-статистические характеристики
существительных *брань* и *рать*)**

Victor Arkadevich Baranov

*Kalashnikov Izhevsk State Technical University
Izhevsk, Russian Federation
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russian Federation*

**A HISTORICAL CORPUS
OF MEDIEVAL SLAVIC MANUSCRIPTS "MANUSCRIPT"
AS A RESEARCH INTERNET RESOURCE
(Quantitative and Statistical Characteristics
of the Nouns *брань* and *рать*)**

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-00206 «Дистрибутивно-квантитативный анализ семантических изменений на основе больших диахронических корпусов»).

Доклад посвящен вопросам использования текстовых данных исторического корпуса «Манускрипт» (manuscripts.ru), который содержит транскрипции глаголических и кириллических текстов X–XV веков общим объемом более 3,5 млн словоупотреблений, имеет мета-, аналитическую и лингвистическую разметку, снабжен корпусным менеджером, обеспечивающим подготовку транскрипций, лемматизацию текстов, формирование подкорпусов, выборку лингвисти-

ческих единиц и их демонстрацию (о корпусе см., например, [Baranov 2018; Баранов 2019]). Основные модули корпуса обеспечивают извлечение количественной и статистической информации о единицах рукописей и подкорпусов – текстовых формах, леммах и их сочетаниях, исследование их синтагматических или парадигматических характеристик.

Демонстрируются возможности модулей корпусного менеджера для извлечения и визуализации лингвистических единиц, их первичного анализа. Особое внимание уделено получению количественных и статистических сведений о распределении и сочетаемости слов. Основная часть сообщения посвящена новому модулю корпуса – дистрибутивному словарю, предназначенному для автоматического выявления слов, близких по своей семантике. Основой процедур словаря стал метод word2vec. Параметры настроек поиска (выбор подкорпуса, типа единицы анализа, количественной или статистической оценки совместной встречаемости и др.) и визуализации результата (количество аналогов, величина косинусного расстояния, список, граф) позволяют решать различные задачи, связанные с исследованием лексической семантики в средневековых славянских текстах. В качестве иллюстративного материала использованы количественно-статистические характеристики слов *брань* – *рать*.

Литература

- Баранов В. А. Создание и использование исторических корпусов славянских письменных памятников // Scripta & e-Scripta : The Journal of Interdisciplinary Mediaeval Studies. Vol. 19. Sofia : “Boyan Penev” Publishing Center ; Institute of Literature, BAS, 2019. С. 33–57.
- Baranov V. A. Text Corpus of Medieval Manuscripts as a Goal and a Tool for Linguistic Research // Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions (together with Francis J. Thomson’s Bibliography and Checklist of Slavonic Translations) / edited by Lara Sels, Jürgen Fuchsbauer, Vittorio Tomelleri and Ilse de Vos. Peeters Leuven – Paris – Bristol, Ct, 2018. Pp. 283–308.

АРХЕОГРАФИЯ
ЛАВЯНО-РУССКИХ КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ
И ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ

Давид Гегамович Казарян

*Матенадаран
Научно-исследовательский институт
древних рукописей имени Месропа Маштоца
Ереван, Армения
davit.ghazaryan@matenadaran.am*

АРМЯНСКИЕ АМУЛЕТЫ В ВИДЕ СВИТКА

Davit Gegham Ghazaryan

*The Mesrop Mashtots Institute
of Ancient Manuscripts (Matenadaran)
Yerevan, Armenia*

THE ARMENIAN AMULETS IN THE FORM OF A SCROLL

Манускрипты «(h)маилнер» (амулеты) – это сборники заклинаний, отличающиеся среди древних армянских рукописей своей формой (в виде свитка) и миниатюрами. Самые ранние примеры дошедших до нас армянских амулетов-свитков относятся к XV в. В связи с тем, что их держали при себе и многократно перечитывали в ритуальных целях, амулеты-свитки изнашивались, потеряли свой первоначальный блеск и дошли до нас частично – с большими потерями. Данное обстоятельство приводит к определенным затруднениям в проведении настоящего исследования.

До нас дошло около 900 Армянских Амулетов в виде свитка, из которых 561 находятся в Матенадаране Научно-исследовательском институте древних рукописей имени Месропа Маштоца (Ереван, Армения), которые я изучаю около 15 лет.

Доклад посвящён армянским Амулетам в виде свитка, которые хранятся в Матенадаране и датируются XV–XVIII веками. В докладе представлены материалы, и содержимое, и миниатюры Амулетов, которые мы классифицируем исходя из их особенностей. Имеющиеся факты подтверждают и раскрывают ряд любопытных сведений, связанных с амулетами в виде свитка, и систему их содержания и иллюстраций.

Ольга Валентиновна Васильева

*Российская национальная библиотека
Санкт-Петербург, Россия
orientsekt@nlr.ru*

**ХРИСТИАНСКИЕ РУКОПИСИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
В СОБРАНИИ АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА)**

Olga Valentinovna Vasileva

*The National Library of Russia
St. Petersburg, Russian Federation*

**CHRISTIAN MANUSCRIPTS OF THE MIDDLE EAST
IN THE COLLECTION OF ARCHIMANDRITE ANTONIN (KAPUSTIN)**

Архимандрит Антонин (Андрей Иванович Капустин, 1818–1894), уроженец села Батурино Шадринского уезда Пермской губернии (ныне – Курганской области), с 1865 г. начальник русской духовной миссии в Иерусалиме, составил обширное собрание рукописей, которое в 1898–1899 гг. по завещанию поступило в Императорскую Публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека).

На сегодняшний день общее число единиц хранения в собрании Антонина – не менее 1301. К соответствующим языковым фондам были присоединены 47 греческих, 21 славянская, не менее 57 арабских, 4 армянские, 2 эфиопские и 1 сирийская рукописи, а недавно был выявлен один монгольский документ. Как единый комплекс, сохранивший имя владельца в шифре, оставлена еврейско-самаритянская часть. Она состоит из трех разделов (кодексы и свитки; фрагменты самаритянского Пятикнижия; фрагменты еврейских и еврейско-арабских сочинений и документы) и с учетом литерных номеров, фрагментов, присоединенных к другим единицам хранения, и отсутствующих фрагментов насчитывает 1168 номеров.

Большинство арабских рукописей – христианские: их 45, начиная с пергаменного Четвероевангелия X в. (Остальные рукописи на бумаге.) Всего новозаветные тексты представлены в девяти списках, два из которых относятся к XII–XIII вв. Переписанный в 1680 г. в Иерусалиме Новый Завет украшен миниатюрами. Из ветхозаветных книг своей древностью выделяются фрагмент Книги Исход XI или XII в. и одна из трех Псалтирей, датируемая XIII–XIV в.

Широко представлена богослужебная литература (требники, служебники, часословы, октоихи, стихирари, паремейники, триоди и др.), значительно меньше – богословские сочинения, канонические книги (пандекты). Арабо-христианские рукописи в основном содержат переводы с греческого языка. Но есть и оригинальные сочинения, например, автограф 1743 г. полемического трактата против католицизма Илиаса Фахра или сборник стихотворений монаха-католика Никулауса Саига.

Из четырех армянских рукописей отметим Синаксарь 1423 г. и апокрифическое Евангелие от Иакова 1681 г. Обе эфиопские книги (Четвероевангелие и Псалтирь), хотя и написаны на пергамене, не являются старыми. Наиболее древняя восточная рукопись в собрании архим. Антонина – пергаменный фрагмент сирийского медицинского трактата – датируется IX в.

Восточно-христианская, особенно арабская часть собрания архим. Антонина дополняет соответствующие разделы собраний епископа Порфирия (Успенского) и Константина Тишендорфа. Образовавшийся в РНБ комплекс такого рода манускриптов интересен не только с точки зрения распространения христианского вероучения или развития языков: он дает возможность исследовать палеографию и кодикологию памятников письменности, проследить историю книги на Ближнем Востоке с ранних времен до XIX в.

Андрей Юрьевич Бородихин

*Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
borodichin@spsl.nsc.ru*

**ТОЛКОВОЕ ЕВАНГЕЛИЕ ФЕОФИЛАКТА БОЛГАРСКОГО
ИЗ СОБРАНИЯ БИБЛИОТЕКИ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИМ. В. П. СУКАЧЕВА**

Andrey Yurievich Borodikhin

*State Public Scientific Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

**THE COMMENTARIES ON THE GOSPEL OF THEOPHYLACT
OF OHRID FROM THE COLLECTION OF THE LIBRARY OF IRKUTSK
REGIONAL ART MUSEUM NAMED AFTER V. P. SUKACHEV**

Впервые сведения о рукописи XV в. Толкового Евангелия Феофилакta Болгарского были представлены в кратком виде в каталоге «Коллекция В. В. и Н. К. Величко в редком фонде библиотеки Иркутского областного Художественного музея им. В. П. Сукачева», составленном заведующей библиотекой И. П. Бедулиной (Иркутск, 2018 г.). Имя Валериана Вадимовича Величко (1874–1956, г. Москва), по основной профессии врача, собирателя книг по искусству, тонкого знатока и коллекционера древнерусских икон, хорошо известно в библиофильской и библиотечной среде. Основную часть своей книжной коллекции (3371 экз.) он подарил библиотеке Московского университета в отдел редких книг и рукописей. Разными частями собранная им библиотека разошлась по крупнейшим в музейной, библиотечной и научной сфере учреждениям страны. Незначительная часть пришла также на долю Художественного музея в Иркутске, куда по воле наследника В. В. Величко, его племянника Николая Кирилловича Величко, было передано 103 экземпляра печатных изданий и рукописных книг этой коллекции конца XV – конца XX в. (1980-х гг.).

Рассыпанная по фонду библиотеки Художественного музея согласно систематической расстановке мизерная часть библиофиль-

ского собрания буквально была восстановлена и представлена в каталоге музея стараниями заведующей библиотекой И. П. Бедулиной. Именно в этом каталоге находится описание одной из старейших, находящейся в Иркутске рукописей русского средневековья. В отличие от ее современницы из Научной библиотеки Иркутского государственного университета, имеющей писцовую запись «многогрешного Петрушки», переписавшего Лествицу Иоанна Синайского в 1470 году, Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского не имеет такого абсолютно бесспорного датирующего признака. Особенности применения палеографических методов анализа и датировки древнерусских рукописей, возможности и ограниченность привлечения справочной литературы являются предметом обсуждения в настоящем докладе.

**Антон Николаевич Коваленко
Василий Вячеславович Подопригора
Инна Александровна Шилова
Алексей Александрович Юдин**

*Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
alexey_yudin@mail.ru*

**НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР ЗАБЛУДОВСКОЙ
«ПСАЛТИРИ С ЧАСОСЛОВЦЕМ» ИВАНА ФЕДОРОВА**

**Anton Nikolaevich Kovalenko
Vasily Vyacheslavovich Podoprighora
Inna Aleksandrovna Shilova
Alexey Alexandrovich Yudin**

*State Public Scientific and Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

**UNKNOWN COPY OF IVAN FYODOROV'S ZABLUDOW
PSALTER WITH HOROLOGION**

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01495 «Книги кириллической традиции сибирских епархиальных собраний Русской Православной Церкви: изучение и сохранение культурного наследия».

В текущем году при обследовании книжного фонда библиотеки Новосибирской православной духовной семинарии Русской Православной Церкви был обнаружен неизвестный ранее экземпляр редчайшего издания Псалтири с Часословцем, выпущенного Иваном Федоровым в Заблудове в 1570 г. До обнаружения новосибирской Псалтири было известно о существовании лишь четырех экземпляров этого издания, которые хранятся в собраниях Библиотеки Ламбетского Дворца (Великобритания, Лондон), Национального музея во Львове (Украина), Российской национальной библиотеки (Санкт-

Петербург) и Научной библиотеки Саратовского государственного университета. Наиболее полный экземпляр хранится в Лондоне, экземпляры из российских хранилищ имеют утраты, книга из Саратовского университета содержит только часть с Часословцем (см., например: [Cleminson et al. P. 22–24; Гусева. С. 368–370; Вознесенский, Николаев. С. 21–23] и др.

А. А. Гусева отметила только один пример различий между экземплярами, заключающийся в наличии/отсутствии исправлений в тексте части тиража [Гусева. С. 369]. Новосибирская Псалтирь позволяет дополнить ее наблюдения. Например, были выявлены отличия от экземпляра Ламбетского Дворца в орнаментике и исправлениях в основном тексте. Пока рано говорить об идеальном экземпляре, но уже сейчас можно фиксировать различия в наборе.

При изучении водяных знаков бумаги Новосибирской Псалтири в целом обнаружено совпадение с набором филиграней, которые выявил для этого издания украинский исследователь О. Я. Мацюк [Мацюк]. Также в этом экземпляре обнаружена тщательно закрашенная запись великорусской скорописью начала XVII в., после прочтения которой за счет цифровой обработки изображения появилось предположение о личности покупателя книги.

Издание Псалтири с Часословцем выделяется среди прочих наличием развернутых предисловий (сказаний) к каждому псалму, которые ранее связывались исследователями исключительно с польской и чешской печатными традициями изданий библейских текстов [Владимиров. С. 208]. Эти надписания имеют компилятивную природу, содержат несколько уровней толкования (исторический, аллегорический, символический и др.). Удалось установить, что при их составлении издатели обращались как к современной им западной печатной традиции, так и к древнерусской рукописной.

Такого рода находки подтверждают важность и перспективность исследований книжных церковных собраний, и они могут пролить свет на спорные вопросы библиографии изданий русских первопечатников.

Литература

- Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1888. 351 с.
- Вознесенский А. В., Николаев Н. В. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI–XVIII веков из собрания Отдела редких книг Российской национальной библиотеки. Вып. 1. 1523–1600 гг. СПб.: РНБ, 2019. 224 с.

- Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог: В 2 кн. Книга первая / Под общ. ред. Л. И. Сазоновой. М.: Индрик, 2003. Кн. 1. 648 с.
- Мацюк О. Я.* Бумага изданий Ивана Федорова // Федоровские чтения. 1978. М.: Наука, 1981. С. 21–34.
- Cleminson* – Cyrillic Books printed before 1701 in British and Irish Collections: A Union Catalogue / Compiled by R. Cleminson, C. Thomas, D. Radoslavova, A. Voznesenskij. London, 2000. 172 pp.

Валерия Анатольевна Есипова

*Научная библиотека Национального исследовательского
Томского государственного университета
Томск, Россия
esipova_val@mail.ru*

**СПИСОК ХОЖДЕНИЯ ВАСИЛИЯ ПОЗНЯКОВА
ИЗ ФОНДОВ ОРКП НБ ТГУ**

Valeiya Anatolevna Esipova

*Tomsk State University Scientific Library
Tomsk, Russian Federation*

**COPY OF VASILY POZNYAKOV'S JOURNEYS FROM
THE TOMSK STATE UNIVERSITY SCIENTIFIC LIBRARY**

Благодарности: работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00742, <https://rscf.ru/project/22-28-00742/>

В докладе рассмотрен список «Хождения» Василия Познякова (ХП), читающийся в составе сборника В-777, который хранится в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). Сборник был написан в 1785–1792 гг. на юге Томской губернии, в XIX в. был изъят у старообрядцев и находился в составе «раскольничьей» библиотеки Томской духовной семинарии. В 1920-е годы в составе этого собрания поступил в НБ ТГУ, где и хранится до сих пор.

Список ХП расположен на лл. 193–214 об. При сопоставлении текста с опубликованным было установлено, что в целом список В-777 соответствует введенному в научный оборот до л. 212 об. Далее начинаются существенные расхождения, которые текстуально близки другому известному тексту – «Хождению» Трифона Коробейникова (ХК). Окончания текста, читающегося в В-777 (л. 212 об. – 214 об.), нет в опубликованных списках ХП. Из других важных разночтений В-777 необходимо отметить: неверное имя автора в заглавии (Василий Позняков назван Иваном); дополнение в конце копии письма Ивана Грозного патриарху (указана не просто дата, а «от того лета по си 7097, 130 лет»); указание на то, что автором описания Иерусалима

являлся диакон Григорий, чье участие в составлении ХП ранее предполагалось, но не было установлено.

Таким образом, в составе В-777 представлен список ХП, протограф которого, по словам писца, выполнен в конце XVII в. О происхождении протографа сейчас можно лишь строить предположения; сформулируем два из них. Во-первых, протограф может основываться на более полном списке ХП, которое включает в себя окончание текста, неизвестное ранее. Во-вторых, протограф может основываться на некотором контаминированном тексте, включающем в себя текст ХП и сокращенное окончание из ХК. Дальнейшее детальное изучение памятника поможет дать ответы на сформулированные вопросы.

Татьяна Генриховна Казанцева

*Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
kerzak2002@mail.ru*

**СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ГЕКТОГРАФИРОВАННЫЙ ОБИХОД:
СТРУКТУРА, СОСТАВ, ИСТОЧНИКИ**

Tatyana Genrikhovna Kazantseva

*State Public Scientific Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

**THE OLD BELIEVER HECTOGRAPHED OBIKHOD:
STRUCTURE, COMPOSITION, SOURCES**

Крюковые сборники, изготовленные методом гектографирования, появились на рубеже XIX–XX в. и стали первым старообрядческим опытом издания певческих книг. В настоящее время известны по крайней мере две мастерские, выпускавшие подобного рода продукцию – П. М. Безводина в Сызране и Д. В. Батова в Туле. Оба издателя являлись представителями новопоморского согласия.

Издания Д. В. Батова обращают на себя внимание рядом особенностей, не свойственных типовым дореформенным крюковым книгам. Прежде всего, в отличие от большинства поморских певческих рукописей они содержат исправленный на речь гимнографический текст. Впервые такая справа была осуществлена во второй четверти XIX в. поморскими реформаторами И. В. Анисимовым и А. С. Сергеевым; гектографированные книги Д. В. Батова самим фактом их напечатания укрепили авторитет новой редакции.

Кроме того, был переосмыслен сам тип древнерусской певческой книги Обиход. Обращает на себя внимание ее разделение на две самостоятельных части: «Обиход знаменных песнословий» (соответствует так называемому Обиходу простому) и «Знаменные песнословия Триодей постной и цветной» (Обиходу постному).

По структуре и составу песнопений обе книги в целом близки типовому раздельноречному Обиходу, но обращают на себя внимание

некоторые репертуарные особенности. Первую их группу составляют отдельные песнопения и варианты напевов, не характерные для типовых поморских Обиходов. Например, песнопение «Единородный Сын», распетое во всех восьми гласах, «Символ веры» и 33-й псалом, представляющее собой осмогласники.

Вторая группа – компактные или рассредоточенные циклы песнопений, традиционно относящихся к другим типа певческих книг – стихиры и славники некоторых праздников Минейного и Триодного циклов, которые традиционно входят в состав соответствующих Стихирарей.

Первая группа дополнений предположительно заимствована из рукописного истинноречного Обихода Анисимова-Сергеева. Источники второй группы не столь очевидны. С одной стороны, тенденция к расширению репертуара Обихода за счет стихир была обозначена в самих типовых поморских Обиходах, куда изредка включались литийные стихиры храмовых праздников Выголексинского общежитства. С другой стороны, идея подобных дополнений могла быть заимствована из практики старообрядцев поповцев, в чьих Обиходах встречаются триодные славники.

В заключение следует сказать, что гектографы отражают новый этап эволюции старообрядческой традиции богослужебного пения, которому свойственна определенная открытость новым поискам, попытки создать более удобную в богослужебном употреблении певческую книгу, стремление учесть, как предыдущий, так и современный опыт.

**Александр Валерьевич Пигин,
Светлана Алексеевна Семячко**

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
av-pigin@yandex.ru
svetlanasm08@mail.ru*

**АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СВОД
СТАРООБРЯДЧЕСКОГО КНИЖНИКА ИОНЫ КЕРЖЕНСКОГО**

**Aleksandr Valerievich Pigin
Svetlana Alekseevna Semyachko**

*Svetlana Alekseevna Semiachko,
Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation*

**THE HAGIOGRAPHIC CODE
OF THE OLD BELIEVER SCRIBER JONAH KERZHENSKY**

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00174, <https://rscf.ru/project/22-18-00174/>, ИРЛИ РАН.

В исследовании древнерусской агиографии большой интерес представляют старообрядческие начинания в этой области. Старообрядцы хранили память о святых Древней Руси, включали их жития в свои сборники, создавали собственные редакции и своды агиографических памятников.

Одним из таких сводов является известный сегодня в единственном списке «Алфавит российских чудотворцев и явлений богородичных икон», составленный на рубеже XVIII–XIX вв. старообрядческим книжником Ионой Керженским (Ярославский музей-заповедник, № 15544). Общие сведения об «Алфавите» и его авторе содержатся в статье А. А. Турилова [Турилов], однако входящие в состав сборника тексты еще не становились предметом изучения.

На примере ряда севернорусских агиографических памятников (житий Дионисия Глушицкого, Амфилохия Глушицкого, Александра

Свирского, Александра Ошевенского, Зосимы и Савватия Соловецких, Сказания о Спасо-Каменном монастыре и др.) в докладе предпринимается попытка изучения творческих приемов Ионы по редактированию древнерусских текстов.

Все исследованные памятники приводятся в «Алфавите» в новых, составленных самим Ионой редакциях. Основные направления работы книжника с исходным материалом заключаются в сокращении текстов, в сохранении их фактографической основы и особенно ярких, увлекательных с точки зрения сюжетного повествования эпизодов. Так, в Житии Александра Свирского почти без сокращений воспроизведен рассказ о видении святого в раю его учеником Даниилом, в Житии Александра Ошевенского – чудо о немом отроке, у которого вырос отрезанный разбойниками язык. Помимо самих житий, Иона привлекал в своих редакциях и разнообразные другие источники (месяцесловы, летописи, службы, Пролог, старообрядческие сочинения и т. д.), которые указывал в конце каждого жития или на полях.

Большое внимание он уделял ученикам прославленных святых: например, Житие Зосимы и Савватия Соловецких дополнено сведениями о последующих насельниках монастыря, включая иноков, пострадавших за «древнее благочестие» в ходе Соловецкого восстания 1667–1676 гг. Этот единый соловецкий текст в «Алфавите» можно считать опытом создания краткого варианта Соловецкого патерика.

Наиболее интересно наблюдать работу Ионы на материале агиографических сочинений, рассказывающих о нескольких подвижниках. К числу таковых относятся Житие Дионисия Глушицкого и Сказание о Спасо-Каменном монастыре. Работая с Житием, Дионисия, Иона, в распоряжении которого была, скорее всего, Основная редакция памятника, извлек из текста главу, посвященную ученику, Дионисия Амфилохию, и превратил ее в самостоятельное житие. Он пошел тем же путем, каким, как минимум, дважды шли до него другие книжники в XVI и XVII вв., независимо друг от друга пытаясь создать Житие Амфилохия Глушицкого. В самом же Житии Дионисия Иона оставил лишь краткое сообщение об ученике святого, ставшем после кончины преподобного игуменом Покровского Глушицкого монастыря.

Так же поступил Иона и с текстом Сказания о Спасо-Каменном монастыре, на основе которого, по преимуществу методом сокращения, он создал «Повѣсть о Каменном монастырѣ и о труждающихся въ немъ первоначалникахъ». Наибольшей редукции подверглись главы Сказания, повествующие о подвижниках (Дионисии Глушицком,

Александре Куштском и Иоасафе Каменском), жития которых Иона поместил далее в своем сборнике, используя при этом Сказание в качестве одного из источников. Редактор оставил в тексте «Повѣсти...» лишь указания на факты, связывающие этих святых с обителью, делая при этом в каждом случае отсылку к полному тексту жития преподобного, помещенного далее в «Алфавите», а в каждом из этих житий он сослался на «Повѣсть...».

В целом труд Ионы можно квалифицировать как своеобразный «справочник», «путеводитель» по истории русской святости. Однако в отличие от появившихся позднее «исторических словарей» русских святых, Иона не ограничивался фактографией, но старался сохранить литературную основу древнерусских житий, выступал как историк и агиограф одновременно.

Литература

Турилов А. А. Иона Керженский // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. Т. 25. С. 490–492.

Ольга Дмитриевна Журавель

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
olga_zhuravel@mail.ru*

**ОТ САВОНАРОЛЫ ДО ИВАНА ФИЛИППОВА:
К ИСТОРИИ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО СЮЖЕТА О ПЛАЧЕ ЦЕРКВИ**

Olga Dmitrievna Zhuravel

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

**FROM SAVONAROLA TO IVAN FILIPPOV:
ON THE HISTORY OF THE ESCHATOLOGICAL PLOT
ABOUT THE LAMENTATION OF THE CHURCH**

Старообрядческая литература, ориентированная на духовные традиции, сохранила и усвоила многое не только из древнерусского книжного наследия, но и из европейского фонда сюжетов и образов. Примером такой преемственности является сюжет, привнесенный в русскую словесность Максимом Греком. В основу его «Слова о нынешнем окаянном вецѣ» (другое название – «Слово о нестроениях и безчиниях») легли образы и мотивы Иеронима Савонаролы, прежде всего из его канцоны «О разрушении церкви» («De ruina ecclesiae») [Иванов. С. 223–226; Гардзанити]. Структура сюжета в Слове Максима Грека и в песне Савонаролы строится на диалоге двух персонажей – путника и встреченной им при дороге некой плачущей «жены». Женский образ в поэме итальянского богослова символизирует церковь, скорбящую о нестроениях и грехах, царящих в Риме. Максим Грек отступил от данной трактовки образа в сторону актуальной философско-публицистической тематики: у него жена, встреченная при дороге, – это некая истина, утраченная в русском государстве эпохи правления Елены Глинской.

Почти через два века наследие Максима Грека оказывается востребованным старообрядцами Выга [Шашков]. В частности, «Слово о нынешнем окаянном вецѣ» вдохновило Андрея Денисова создать собственную версию сюжета в «Слове плачевне о злостраданиях и скорбех Церкви Христовы». Как и у Савонаролы, жена, встреченная

путником, – это церковь, в данном случае старообрядческая. Старообрядческий автор усиливает апокалиптические и пророческие коннотации образа. Его героиня является художественной версией символа «Жены, облеченной в солнце» из 12-й главы Откровения св. Иоанна Богослова и вызывает ассоциации с центральным образом «Слова об обидах Церкви» из «Филофеева» цикла, где церковь, спасаясь от еретиков и грешников, бежит в пустыню. В жалобах плачущей жены из Слова Андрея Денисова звучат обиды и на внешних врагов, и на собственных «детей».

Второе поколение выговских писателей свято чтит наследие Андрея Денисова. Писатель и историограф Иван Филиппов создает «Слово о наставниках Выговской пустыни» (ИРЛИ, Древлехранилище, собрание В. Н. Перетца, № 474, л. 174–249 об.), в котором историю Выга связывает с мировым процессом отступления от веры. Слово Андрея Денисова вошло в данное сочинение почти дословно, а предваряет его своеобразная авторская версия священной истории, где падение мировых центров православия, беды и несчастья русского народа объясняются грехами людей, по своей вине подступивших к последней черте.

На каждом этапе своего движения сюжет подвергается переосмыслению и реализуется в различных эстетических стратегиях. Поэтический текст великого флорентийца вызвал к жизни трактат Максима Грека, где отразились его филологические взгляды. Слово Андрея Денисова выдержано в рамках барочной проповеди, а сочинение Ивана Филиппова эклектично по своей природе и знаменует начавшийся распад литературных канонов в начале перехода к Новому времени.

Литература

- Гардзанини М.* «Слово о нестроениях и безчиниях» Максима Грека: к источникам Плача Василии // Русская литература. 2021. № 1. С. 55–70.
- Иванов А. И.* Максим Грек и Савонарола // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 23. Л.: Наука, 1968. С. 217–226.
- Шашков А. Т.* Поморский кодекс сочинений Максима Грека // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. С. 93–123. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 2]).

Наталья Сергеевна Гурьянова

*Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук
Новосибирск, Россия
gurian@academ.org*

**СОСТАВ ОБЩИННЫХ БИБЛИОТЕК
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ
СТАРООБРЯДЦЕВ**

Natalia Sergeevna Gurianova

*Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

**THE COMPOSITION OF COMMUNITY LIBRARIES
AS A SOURCE FOR STUDYING THE SOCIAL CONSCIOUSNESS
OF OLD BELIEVERS**

Е. И. Дергачева-Скоп – известный исследователь литературы Древней Руси. О разнообразии тем в широком хронологическом диапазоне, находящихся в центре ее внимания, свидетельствуют не только собственные научные статьи и монографии, но и защищенные студентами НГУ под ее руководством в 1969–2022 годах дипломные работы, магистерские, кандидатские и докторские диссертации. Занимаясь организацией и проведением археографических экспедиций, Елена Ивановна проявила интерес и к изучению книжной культуры старообрядцев, предложив несколько перспективных путей ее изучения. В совместной с В. Н. Алексеевым статье убедительно представлена важность изучения общинных библиотек для углубления наших представлений о религиозно-общественном движении, известном под наименованием старообрядчество.

Авторы статьи справедливо акцентировали внимание на таких понятиях как репертуар чтения, круг чтения, тип чтения. При изучении общинных библиотек старообрядцев не менее важным представляется анализ их состава с целью уточнить религиозные, социальные и политические взгляды конкретного согласия, толка. Разумеется, при этом необходимо рассматривать состав библиотеки в контексте

творческого наследия авторов-старообрядцев, которые при написании сочинений опирались на эти тексты. Выговская литературная школа, особенно первой половины XVIII в., в достаточной степени известна и изучена, поэтому следует обратить внимание на «Реестр книг по азбуце», составленный поморцем Григорием Яковлевым в 1748 г. и представленный в Святейший Синод перед своим присоединением к официальной Церкви. В докладе характеризуется не только состав общинной библиотеки, но и показана связь между текстами рукописей, старопечатных книг и взглядами поморских авторов на творческий процесс.

Литература

Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Книжная культура старообрядцев и их четья литература. К проблеме типологии чтения // Русская книга в дореволюционной Сибири. Археография книжных памятников: сборник научных трудов. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1996. С. 9 –39.

Яковлев Григорий. Извещение праведное о расколе беспоповщины / Издано Н. Субботиным. М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1888. IV, 169 с.

Татьяна Федоровна Волкова

*Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина
Сыктывкар, Россия
volkovatf777@gmail.com*

**К ВОПРОСУ О РОДОВЫХ БИБЛИОТЕКАХ ПЕЧОРСКИХ КРЕСТЬЯН:
КНИЖНИКИ ИЗ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО РОДА ПОЗДЕЕВЫХ**

Tatyana Fedorovna Volkova

*Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
Syktyvkar, Russian Federation*

**ON THE ANCESTRAL LIBRARIES OF THE PECHORA PEASANTS:
BIBLIOPHILES FROM THE OLD BELIEVER POZDDEEV FAMILY**

В докладе рассматривается вопрос о родовых библиотеках печорских крестьян-старообрядцев. Сведения о них извлекаются докладчиком из составленной им базы данных о печорских книжниках. База включает материалы записей на рукописях и старопечатных книгах, бытовавших на Нижней Печоре, из списков книжников – писцов и владельцев рукописных собраний, опубликованных В. И. Малышевым в его книге [Малышев, 1960] и в приложении к его описанию писем усть-цилемских крестьян [Малышев, 1962].

Эти списки были составлены В. И. Малышевым по устным рассказам печорских крестьян, с которыми он беседовал во время своих первых экспедиций в Усть-Цилемский район Республики Коми (в те годы Коми АССР), а также на основе архивных документов. Нашим источником также послужили отчеты об археографических экспедициях ленинградских и сыктывкарских археографов. Анализ материалов базы данных позволил выявить существование на Нижней Печоре родовых библиотек крестьян-старообрядцев, книжные собрания которых за жизнь их владельцев и после их смерти сливались с собраниями представителей других родов, мигрировали по низовой Печоре. По остаткам этих собраний можно отчасти реконструировать примерный состав крестьянских родовых библиотек, имена их реальных владельцев и читателей этих книг. Всего нами выявлено 24 фамилии печорских крестьян, о которых по отдельным источникам

можно составить представление об их причастности к книжной культуре Нижней Печоры. Больше половины материалов об этих книжниках известных печорских фамилий нами уже изучены, и результаты этих исследований опубликованы в виде статей.

В данном докладе анализируются материалы базы данных о печорских книжниках из рода Поздеевых. Этих материалов не так много, но и они доносят до нас имена владельцев книжных собраний, переписчиков рукописей, имена последних владельцев рукописных и старопечатных книг, передавших археографам остатки собраний их старших родственников – книжников конца XIX – начала XX вв. К их числу относятся, в частности, Поздеевы Ефим Тимофеевич, Иван Ларионович и Яков Иванович, занимавшиеся перепиской рукописей, владельцы книжных собраний Алексей Алексеевич, Андрей Исаакович, Михаил Семенович, Аграфена Петровна Поздеевы.

Проводимые нами исследования родовых библиотек печорских крестьян позволят в дальнейшем создать Словарь книжников Нижней Печоры.

Литература

Мальшев В. И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII–XX вв. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 18. С. 442–457.

Мальшев В. И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI – XIX вв. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1960. 214 с.

Любовь Васильевна Титова

*Институт истории
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
titova_istochnik@mail.ru*

**О ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ
СОЧИНЕНИЙ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
(на материале рукописного собрания ИИ СО РАН)**

Lyubov' Vasilievna Titova

*Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

**ON THE FUNCTION OF HISTORICAL AND NARRATIVE WRITINGS
IN OLD BELIEVER PUBLICISM
(Based on the Material of the Manuscript Collection
of Institute of History of the Siberian Branch of the RAS)**

В докладе на материале Собрания рукописных и старопечатных книг Института истории СО РАН (Центр хранения рукописей, старопечатных книг и редких изданий) рассматривается проблема функции исторических и повествовательных соч. в формировании политических и нравственных идей старообрядчества. Приверженцы старой веры решительно создали огромное количество полемических, публицистических и эпистолярных сочинений, в которых они засвидетельствовали незыблемость национальных церковных традиций. Особо отмечается одна из главенствующих тем в старообрядческой литературе – тема мученичества первых защитников древнего благочестия, искусно вводится личностный момент в общие рассуждения о жестокости властей, массовых репрессиях и массового мученичества русских людей, истинных христиан, отказывавшихся принять церковную реформу и нарушить традиции русского православия. Обращение к их творческому наследию предоставило возможность сделать вывод о том, что публицистическое творчество лидеров первого поколения старообрядцев на протяжении трех столетий

обеспечивает преемственность их политических и нравственных идей, составивших платформу старообрядческой идеологии и письменности. В докладе делается попытка определить степень влияния интеллектуальных лидеров на их единомышленников, выявить характер воздействия их общественно-значимых и общественно-признанных сочинений на читателей грядущих поколений.

**ДРЕВНЕРУССКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ
XVIII–XX вв.**

Владимир Николаевич Алексеев

*Новосибирская государственная областная научная библиотека
Новосибирск, Россия
vlanik.alekseev0608@yandex.ru*

**О ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЕ «ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ»
СЕМЕНА РЕМЕЗОВА**

Vladimir Nikolaevich Alekseev

*Novosibirsk State Regional Scientific Library
Novosibirsk, Russian Federation*

**ON THE GENRE OF “ISTORIYA SIBIRSKAYA”
BY SEMYON REMEZOV**

Имя «тобольского сына боярского» Семена Ремезова в последнее время всё чаще соотносят с именами легендарных титанов европейского Возрождения. Да, сибиряк Семен Ульянович Ремезов (1642 – после 1722 г.) жил в иную эпоху, нежели Леонардо да Винчи, Рафаэль, Дюрер, братья Ван Эйки. Но для России вторая половина XVII – начало XVIII в., как и эпоха Возрождения в Европе, была переходным периодом от Средневековья к Новому времени. Поэтому универсализм сибиряка Ремезова так же разносторонен и разнообразен, как у великих европейцев эпохи Возрождения.

Семен Ульянович Ремезов, талантливый ученый, художник, писатель, архитектор XVII – начала XVIII в., во многом хорошо известен в отечественной и зарубежной науке благодаря трудам и научным открытиям Елены Ивановны Дергачевой-Скоп.

«История Сибирская» – несомненно, центральное произведение в творческой биографии Ремезова, ставшее отражением интеллектуального опыта нескольких поколений ремезовского семейства. Одно-

временно оно оказывается ключевым для истории русской литературы и историографии конца XVII в. В то же время «История Сибирская» – произведение типичное для пестрой в жанровом отношении литературной системы XVII века.

Изучение «Истории Сибирской» продемонстрировало сложность жанровой структуры этого произведения, вобравшего в себя характерные и яркие приметы летописного, житийного жанра, жанра воинской повести, стилистические приемы хронографических, географических сочинений, синодиков и т.п. Стили летописные, воинской и исторической повестей, жития, объединенные авторской задачей, контаминировались в «Истории Сибирской», сыграв конструктивную роль в формировании ее жанра [Дергачева-Скоп]. Произведения, к которым обращался Ремезов в процессе работы, выдают в нем опытного и образованного книжника – свидетельство тому перечень использованных им источников, включающих относящиеся к различным и несущих разную смысловую нагрузку: казачья «устная летопись», «слово» (Лихачевская редакция Есиповской летописи), «история» («История о Сибирской земле» – Есиповская летопись Нарышкинской редакции), летописные статьи (Новый летописец и Свод 1652 года), синодик («Синодик Ермаковым казаком»), легенды, предания, родословия, космографические описания, европейские хроники (например, Алессандро Гваньини), различные европейские карты-планы (антверпенское издание карты-плана Жака Калло «Осада Бреды» 1628 г., план осады Смоленска Виллема Хондиуса, изданный в Гданьске в 1636 г.). В источниках ремезовских сведений обнаруживаем татарские шаджара и их летописные протографы. И нужно отметить, что все эти источники «Истории Сибирской» не случайны, и это подтверждается изучением Служебной чертежной книги, Херографической книги, Описания о сибирских народах, виршей Ремезова, набросками текста и рисунков к конклюдиям, философскими размышлениями о месте «мудрости» в жизни человека, об открытии «мира» картографией. Несомненно хорошее знакомство Ремезова с латинским, калмыцким и татарским языками.

Своей пестрой жанровой природой ремезовское творение конца XVII в. «История Сибирская» предвещает появление в эпоху американского романтизма XIX века романа, автор которого интуитивно пошел по пути конструирования текста из разных источников. Это «Моби Дик» Германа Мелвилла, жанровая структура которого сооружена из философских, социальных, маринистских, приключенческих, фантастических аспектов повествования, которые как бы «прорас-

тают» друг в друга и образуют монолитную глыбу, эпопею, в которой сплелись основные достижения американской романтической прозы и многовековой опыт мировой литературы [Коваленко. С. 272]. А наиболее ярким преемником этой ставшей мировой традиции интеграции в одном произведении различных литературных жанров стал Курт Воннегут, и здесь можно особо выделить его роман «Галапагос» [Абиева. С. 25–26].

Литература

- Абиева Н.* Смертельная игра в жизнь по Воннегуту // Воннегут К. Мать Тьма. Романы. Пер. с англ. СПб.: Азбука, 2003. С. 5–32.
- Дергачева-Скоп Е. И.* Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова: Статья 1 // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск : Наука, 1971. С. 48–70.
- Ковалев Ю. В.* Герман Мелвилл // Писатели США: Краткие творческие биографии. М.: Радуга, 1990. С. 270–274.

Алексей Игоревич Попович

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
alexeyropowich@mail.ru*

**«МИР НЕ МОЖЕТ БЫТЬ БЕЗ ПРАВДЫ»:
ПРОПОВЕДИ СТЕФАНА ЯВОРСКОГО 1700-Х ГГ.
И ИСПРАВЛЕНИЕ НРАВОВ**

Alexey Igorevich Popovich

*Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russian Federation*

**“PEACE CANNOT EXIST WITHOUT TRUTH”:
SERMONS OF STEFAN YAVORSKY
AND CORRECTION OF MORALS**

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

Церковный лидер петровской эпохи митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский (1658–1722) в многочисленных проповедях, остающихся неопубликованными (РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1592), предстает как обличитель безнравственности, маловерия, лицемерия и других пороков государственной элиты и российского общества в целом. Обращаясь в основном к высшим общественным кругам, проповедник говорит о том, что из-за их грехов не может наступить ожидаемое перемирие и победа в Северной войне и ищет возможности нравственного исправления российского общества. Из проповеди в проповедь (например, на Вербное воскресенье 6 апреля 1707 г., день митрополита Петра 21 декабря 1708 г., Воскресение Христово 24 апреля 1709 г., Сретение Владимирской иконы Богородицы 23 июня 1709 г., Вознесение Господне 10 мая 1711 г., Рождество Богородицы 8 сентября 1711 г. и др.) Стефан Яворский обращается к своим слуша-

телям с позиции пастыря, радеющего о спасении своей паствы, прославляет мирное время и рассуждает об «общей пользе», вопреки представлениям о схоластичности авторских проповедей, откликается на явления современной ему жизни.

Проповеди Стефана Яворского этого периода являются бесценным источником для исследования истории идей петровской эпохи и позволяют пересмотреть устоявшиеся в историографии концепции о личной позиции проповедника, его мировоззрении и мотивировках.

Олег Альбертович Донских

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления
Новосибирск, Россия
olegdonskikh@yandex.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА НАУКИ В XVIII ВЕКЕ

Oleg Albertovich Donskikh

*Novosibirsk State University
of Economics and Management
Novosibirsk, Russian Federation*

FORMATION OF THE LANGUAGE OF SCIENCE IN THE 18TH CENTURY

В докладе обсуждается процесс формирования отечественного языка науки как функциональной разновидности русского литературного языка. С конца предшествующего века в России идет удивительный переход к Новому времени, совмещающий в себе европейское Возрождение и Просвещение. На смену церковнославянской литературной традиции приходит новая традиция со своим еще неустоявшимся языком, который призван представить новое сознание, ориентированное не на библейскую мудрость, а на достижения светского разума.

Удивительным фактом можно считать то, что научные темы начинают обсуждаться в Петербургской Академии наук немецким научным сообществом на латинском и немецком языках, и фактически до конца века в Академии господствуют эти языки (к ним позже добавляется французский). Через одно поколение, уже в середине века, появляются научные тексты на научном русском языке. Этому способствует трансформация системы образования: 1) система начала готовить людей, хорошо знавших латинский язык – международный язык науки; 2) возникла необходимость писать учебники по отдельным специальностям; 3) велась работа по написанию русской грамматики и установлению орфографических правил; 4) велась деятельность ряда замечательных отечественных ученых, знавших европейские языки и стремившихся как можно быстрее сделать

русский язык языком науки; 5) большое значение имела работа академических переводчиков (первый действительно научный текст был опубликован в 1728 г. – сокращенный перевод академических Комментариев 1726 г.). Деятельность переводчиков была организована таким образом, что они совместно обсуждали отдельные работы, добиваясь единообразия. В 1735 г. появляется Российское Собрание специально для совершенствования русского языка. Для этой же цели позже возникает Российская академия, а в 1790 г. – Переводческий департамент. В XVIII веке идет активное создание словарей – 44 в первой половине века и 233 – во второй. Вся эта работа вела к тому, что уже к концу века появился значительный пласт научной литературы на русском языке. Научное сообщество начинает его использовать во внутренней коммуникации.

Мань Синкунь

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
mxk9122963466@gmail.com*

**ОБОРОТНИЧЕСТВО:
МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ЛИТЕРАТУРНОГО МОТИВА**

Man' Sinkun'

*Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russian Federation*

**SHAPE-SHIFTING:
THE MYTHOLOGICAL ROOTS OF A LITERARY MOTIF**

Миф, как воплощение возникшего в первобытный период человечества стремления выйти за пределы эмпирического мира, в ходе истории имеет тенденцию отделяться от своего первобытного облика и представлять в самых разных формах выражения сознания. Феномен оборотня фигурирует в мировой мифологии, претерпевая эволюцию с течением времени.

Оборотень – это магическое изменение внешности и состояния персонажа. В основном, с оборотничеством связано – временное превращение с последующим возвращением к первоначальному (истинному) облику [Неклюдов, 1982]. Самый частый случай оборотничества – это превращение человека в животное, распространенное в мифологии разных народов. В древнегреческой мифологии присутствует много эпизодов оборотничества: превращение Цирцеей людей Одиссея в свиней (Гомера) и превращение Луция в осла (Апулей). Протей был известен среди богов способностью менять обличья [Buxton, 2009].

В истории словесности феномен оборотничества воплощался в архитектуру произведений, становясь существенной основой конфликта, а оборотни входили в систему персонажей, включенных в развитие сюжета. Подобного рода типажи, становились литературными образами, объясняющими резкие (полярные) повороты сути

героев, слабо объяснимые в иной каузальности. В русской народной сказке Василису превращает в лягушку бессмертный Кощей, огненный змей может превращаться в красивого юношу и посещать в этом качестве женщин, Кощей также обладает способностью превращаться во всевозможные существа. В восточном романе Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном» (XVI в.) лисы могут превращаться в прекрасных девушек, чтобы помочь или вредить ученым юношам [Пу Сунлин, 1988].

Современные писатели используют элементы сверхъестественного в разных проявлениях поэтики. Романтический художественный дух мифов – основа для развития национального сознания и чувств, накопленных в них за время бытования в культуре. В романе «Священная книга оборотня» [Пелевин, 2021] Виктор Пелевин искусно трансформирует мифологический материал, создавая необычные ситуации и уникальных героев. Использование феномена оборотничества вписывается в игровое пространство постмодерна, прочувствованного писателем как столкновение на многих уровнях бытия (времени, национальной идентичности, гендера, мировоззренческих постулатов и т. п.). Оборотничество, превратившись в метафору и иносказание, вновь обретает свою «вещественность» в постмодернистском поиске новых граней воссоздания парадоксальности художественного мира.

Литература

- Неклюдов С. Ю.* Оборотничество // Мифы народов мира. Энцикл. в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. Т-Я. С. 234–235.
- Пелевин В.* Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2021. 384 с.
- Пу Сунлин.* Рассказы Ляо Чжяя о необычайном / Пер. с кит. В. М. Алексеева. М.: Художественная литература, 1988. 560 с.
- Buxton Richard G. A.* Forms of Astonishment: Greek Myths of Metamorphosis. Oxford: Oxford University Press, 2009. URL: <https://archive.org/details/formsofastonishm0000buxt/page/n9/mode/2up> (дата обращения 19.07.2023).

Кирилл Владиславович Анисимов

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия
kianisimov2009@yandex.ru*

**«В ТО ВРЕМЯ, КОГДА ИОАНН...». ПОДВИГ ЕРМАКА НА СТРАНИЦАХ
«ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н. М. КАРАМЗИНА:
ПОЭТИКА, КОНТЕКСТ**

Kirill Vladislavovich Anisimov

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

**“AT THE TIME WHEN IOANN...”. THE FEAT OF YERMAK
ON THE PAGES OF “HISTORY OF THE RUSSIAN STATE”
BY NIKOLAY KARAMZIN: POETICS, CONTEXT**

Проблема повествовательной связности исторического, т.е., по идее, нехудожественного (нефикционального), текста хорошо известна в науке и неоднократно становилась предметом как обобщающих, так и специализированных исследований. Давно установлено, что «события преобразуются в историю при помощи выдвигания некоторых из них на передний план, замалчивания или подчинения других, а также за счет характеристик, мотивных повторов, изменений тональности голоса, точки зрения автора, введения альтернативной стратегии описания и т.д. – словом, приемов, обычных при разработке сюжетов (“emplotment”) романа или пьесы» [White. P. 84]. Выдвинутый Х. Уайтом в 1970-е гг. и с тех пор неоднократно повторенный тезис стал исходной точкой для изучения разнообразных приемов, оформляющих запись о событии, но при этом заимствованных из пограничной с историографией области литературного сочинительства. Подобная рецептура, в высшей степени свойственная Н. М. Карамзину-создателю «Истории государства Российского», главного властно-идеологического труда первой половины XIX в., с особенной убедительностью была использована при работе с образом покорителя Сибири Ермака. Словно иллюстрируя мысль Ю. М. Лотмана, точно определившего манеру писателя, которым «...история мыслилась как синтез психологического и сюжетного повествования» [Лотман.

С. 395], уникальность казачьего вождя проявляется уже на уровне композиции: на всем протяжении предшествующих 8-ми томов, написанных к 1820 г. (началу работы над 9-м томом), читатель ни разу не встречал главы, посвященной лицу, не наделенному верховной властью. И вот на этом фоне в составе 9-го тома появляется 6-я глава, названная «Первое завоевание Сибири». Формула сама по себе нетипичная – мало ли было «завоеваний» до 1581 г., с которого Карамзин начинает освещение деяний Ермака. Однако ни одно из них не удостоилось отдельной главы – многочисленные кампании были как бы «утоплены» в царствованиях Иоаннов III и IV. Извлечение победоносного похода в Сибирь из линии царствования Иоанна IV, прерванной лишь смертью правителя (а фрагмент о Ермаке с обеих сторон окружен одинаково озаглавленными разделами «Продолжение царствования Иоанна Грозного» – гл. 5 и 7), означает принципиальное смещение фокуса, в котором Карамзин рассматривал историческую субъектность. Образ царя-тирана, единственного вершителя *res gestae*, получает уникальную альтернативу.

В докладе рассмотрен ряд разрабатываемых Карамзиным словесно-понятийных и идеологических конструктов, связанных с объяснением русских походов за пределы исторического ареала средневековой Руси, истории Новгорода, который и начал экспансию на северо-восток, обогатив русских людей первыми знаниями о севере Урала, «республиканского» характера новгородской государственной системы, зарождения на противоположном конце русских земель казачьей вольницы, в первом упоминании о которой Карамзин назвал ее «нов[ой] воинствен[ой] Республик[ой]» [Карамзин. С. 1137–138], роли «олигархии» (частое слово в карамзинском политическом лексиконе), к которой в известной мере можно отнести семейство Строгановых, выступившее, как подсказал историографу использованный им ключевой первоисточник, спонсором Ермака и его отряда. Все эти, а также некоторые иные исторические тенденции и политические концепты, повторяясь и превращаясь тем самым в лейтмотивы, определили в итоге историко-идеологическую интерпретацию завоевания Сибири, помогли создать убедительный литературно-психологический портрет казачьего вождя.

Литература

- Лотман Ю. М. Пути развития русской прозы 1800–1810-х гг. // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб.: Искусство, 1997. 832 с.
- White H. *Tropics of Discourse. Essays on Cultural Criticism*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1978.

Дмитрий Владимирович Долгушин

*Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук
Новосибирск, Россия
D_Dolgushin@mail.ru*

**П. А. ПЛЕТНЕВ И КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ 1830–1850-х ГОДОВ**

Dmitrii Vladimirovich Dolgushin

*Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

**P. A. PLETNEV AND COMMEMORATIVE PRACTICES
IN RUSSIAN CULTURE OF THE 1830–1850s**

Благодарности: Тезисы написаны по теме госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005).

Новым явлением в русской культуре и общественной жизни России 1830–1840-х годов было все большее распространение коммеморативных практик. В 1834 г. состоялось торжественное открытие Александровской колонны, в 1837 и 1839 гг. – грандиозные юбилеи побед над Наполеоном. Неслучайно, что именно в эту эпоху в России сложилась и традиция празднования литературных юбилеев.

Этот феномен уже неоднократно обращал на себя внимание исследователей (см., напр.: [Гузаиров. С. 58–79; Долгушин; Лямина, Самовер; Уланов]), но, кажется, еще не был в достаточной степени оценен тот факт, что человеком, сыгравшим ключевую роль в формировании традиции литературного юбилея, был П. А. Плетнев. В 1830-е годы деятельность Плетнева разворачивалась на стыке литературной, придворной и академической среды. П. А. Плетнев принадлежал к ближайшему дружескому окружению А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя. С 1828 г. он преподавал русский язык и

словесность царским детям, в 1832 г. стал профессором, а в 1840 г. – ректором Санкт-Петербургского университета. Таким образом, общественное положение Плетнева обладало большим потенциалом «медиации», посредничества между различными социальными стратами. Это давало Плетневу уникальные возможности для успешного осуществления культуртрегерских начинаний.

Коммеморативные практики очень интересовали Плетнева. Об этом свидетельствует его неопубликованная переписка с великим князем Александром Николаевичем. В письмах наследнику престола второй половины 1830-х – первой половины 1840-х гг. Плетнев с увлечением описывает юбилей директора кадетских корпусов К. Ф. Клингенберга, праздник Финского стрелкового батальона, юбилей Александровского (Гельсингфорсского) университета. Последний произвел на Плетнева (присутствовавшего на нем в качестве представителя Санкт-Петербургского университета) особенно сильное впечатление.

Несомненно, описывая юбилейные торжества великому князю, Плетнев не только хотел поделиться впечатлением, но и стремился заручиться поддержкой наследника престола, чтобы шире распространить подобные практики в университетской и общественной жизни. Сам Плетнев был одним из главных организаторов крыловского юбилея 1838 г. В 1847–1848 гг. при помощи цесаревича он пытался организовать празднование пятидесятилетия литературной деятельности В. А. Жуковского (из-за отсутствия поэта оно состоялось только в 1849 г.). В 1861 г. Плетнев стал организатором юбилея П. А. Вяземского. На годовом заседании Отделения русского языка и словесности Академии наук в 1854 г. он устроил празднование юбилея А. Х. Востокова (в пику Н. И. Гречу, организовавшему в этом году празднование своего юбилея).

Деятельность Плетнева в качестве организатора и пропагандиста различных форм коммеморации нуждается в дальнейшем изучении.

Литература

- Гузаиров Т. В. А. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 156 с.
- Долгушин Д. В. Литературный юбилей как явление русской культуры конца 1830-х – начала 1860-х гг.: И. А. Крылов, В. А. Жуковский, Н. И. Греч, П. А. Вяземский // Класика и канон в руската литература. Юбилеят. София, 2015. С. 192–199.

Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Крыловский юбилей 1838 г. как культурный и идеологический феномен // Транснациональное в русской культуре: сборник статей [на основе докладов пятнадцатой совместной конференции Тартусского и Хельсинкского университетов, август 2015 г.]. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 6–83.

Уланов Ф. И. Коммеморативные практики 25-летнего юбилея Отечественной войны в 1837 и 1839 гг. // Диалог со временем. Вып. 75. М.: Аквилон, 2021. С. 237–252.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ М. М. ПРИШВИНА**

Елена Александровна Агеева

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Музей истории Московского государственного университета
Москва, Россия
etenetta@yandex.ru*

**«СТАРОВЕРЧЕСКИЙ БЫТ ВСЕГДА ГОВОРIT МОЕМУ СЕРДЦУ
О ВОЗМОЖНОМ, НО УПУЩЕННОМ СЧАСТИИ РУССКОГО НАРОДА» –
ПРИШВИН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СТАРООБРЯДЧЕСТВА**

Elena Aleksandrovna Ageeva

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov.
Museum of the History of Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

**“OLD BELIEVER LIFE ALWAYS TELLS MY HEART ABOUT
THE POSSIBLE BUT MISSED HAPPINESS OF THE RUSSIAN PEOPLE” –
PRISHVIN AS A RESEARCHER OF THE OLD BELIEVERS**

«Я не религиозный человек, а просто любопытный», – именно так характеризует себя писатель в раннем дневнике 21 октября 1908 г. и повторяет эту мысль 19 февраля 1909 г. [Пришвин, 2019. С. 179, 206]. Увлеченность и углубленность в разные проявления жизни Михаила Михайловича поразительны. Многообразны его наблюдения о древлеправославии, сектах и духовных поисках творческой элиты. Дневники Пришвина, особенно ранний и его травелоги, основанные на сведениях живого общения и рефлексии самого писателя, представляются уникальными источниками для понимания религиозно-интеллектуальной ситуации в начале XX в. В данном сообщении особое внимание будет уделено старообрядчеству как важной теме в творчестве писателя. Создав в 1907 г. серию очерков «В краю непуга-

ных птиц», Пришвин открыл целый огромный и неповторимый мир Олонецкой губернии с ее заповедными местами, народными сказаниями, скрытниками, полесниками, колдунами, природой и животным миром. Рассказ о высочайшем достижении культуры старообрядчества Выговской пустыни Пришвин начинает с петербургского текста, очень тонко передающего атмосферу храмов двух ветвей русского православия – беспоповской моленной возле Волкова кладбища, где «из темных рядов икон смотрит громадный круглый лик Христа <...> и «неловко постороннему человеку: люди здесь молятся и свято чтут свои обряды» и стоящей рядом православной церкви, в которой «сначала станет легко свободно и радостно, как пройдешь туда из мрака. Все знакомо, светло, алтарь, певчие, священник в блестящей ризе. Но, взглядевшись в иконы, замечаешь те же самые, мрачные старинные <...>. Потом подробности в толпе: барыни в шляпах шепчутся, другие улыбаются, певчие откашливаются, задают тон» [Пришвин, 1982. С. 144]. В одной церкви давит какое-то непосильное окаменение духа, в другой скучно, обыкновенно». Эти церкви – символы трагедии раскола русского духа, одним из центров которого была знаменитая Выговское общежительство, давшее миру высочайшие образцы старообрядческого творчества, певческого искусства, книжности, молитвы и общежительство Пришвин застал Выг разоренным и почти опустевшим, но беседами, наблюдениями, силой творчества и глубокого осмысления воссоздал жизнь этой легендарной обители. Впечатляющим сочинением у Пришвина стала повесть «У стен града невидимого» (Светлое озеро) об обитателях уренских и ветлужских лесов, до сих пор мало изученных. Многочисленные мысли и заметки о старообрядчестве, рассыпанные в сочинениях и дневниках Пришвина, во всей их полноте и некоторой противоречивости нуждаются в дальнейшем осмыслении.

Литература

- Пришвин М. М.* Ранний дневник. 1905–1913; подгот. текста Я. З. Гришиной. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Росток, 2019. 796 с.
- Пришвин М. М.* Собрание сочинений: В 8-ми томах. М.: Художественная литература, 1982. Т. 1. 830 с.

Елена Юрьевна Кнорре (Константинова)

*Институт мировой литературы
им. А. М. Горького Российской академии наук
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Москва, Россия
lena12pk@yandex.ru*

**«И ЭТА ТРОПА ЕСТЬ МОЯ САМАЯ БЛИЗКАЯ РОДИНА»:
ДНЕВНИКИ МИХАИЛА ПРИШВИНА КАК ИСТОЧНИК СЮЖЕТА**

Elena Yur'evna Knorre (Konstantinova)

*A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
St. Tikhon's Orthodox University
Moscow, Russian Federation*

**“AND THIS PATH IS MY NEAREST HOMELAND...”:
MIKHAIL PRISHVIN'S DIARIES AS A SOURCE OF THE PLOT**

Жанровая система М.М. Пришвина зарождается в начале XX века как часть религиозно-философских поисков в русском символизме и модернизме в целом. Как отмечает Е. Глухова, «синкретичность, присущая мифогенным конструкциям русского символизма, обуславливает размывание границ жанра, в равной мере и границ между религиозным, философским и художественным творчеством, и этот феномен впервые основательно и последовательно возникает в творчестве Вл. Соловьева [Глухова. С. 133–134]. По мнению Д. М. Магомедовой [Магомедова, 1997. С. 113; 2009], в культуре символизма формируется так называемый гибридный жанр. Жанр эго-документа – письма, дневники – становится одновременно и формой обращения к возможному читателю.

С этой особенностью литературы начала XX века связан и сам фрагментарный жанр Пришвина, обращенный отчасти к классической традиции, и вместе с тем, ставший формой выражения особых откровений «лица» реальности, включаясь в житнетворческие поиски русского модернизма.

Моменты авторского формирования, авторской воли при всей спонтанности и непосредственности возникновения дневниковых

записей присутствуют и в дневниках Пришвина. Пришвин говорит о том, что дневник не должен походить на «отдельные шкафы с невымытым бельем», пишет об обращенности дневника к будущему читателю: «Все, что записывается в дневник, должно быть записано так, чтобы будущий читатель после меня не скучал, а читал бы дневник, как мы теперь читаем дневник Флобера. И вот главный завет: никогда, нигде, ни в чем дневник мой не походил бы на отдельные шкафы с невымытым бельем. Для этого мое “я” в дневнике должно быть таким же, как в художественном произведении, то есть глядеться в зеркало вечности, выступать всегда победителем текущего времени» (1948) [Пришвин, 1957. С. 725].

В своем дневнике Пришвин видит темы будущих произведений: «Читаю внимательно, стараясь понять, к чему ведут эти записи. Заметил до сих пор темы: 1) Раскрытие существа личности (тема с детства), 2) Творчество как поведение, 3) Любовь как рождение личности (тема “Мы с тобой”), 4) Проблема – быть, как все хорошие люди» [Пришвин, 1957. С. 726]. В записи 15 июля 1937 года он отмечает: «Помнить, что все подобные записи надо делать сразу без последующих поправок, чтобы они выходили вполне законченно. Чувствую в своих писаниях ту реальность, что я побеждаю как-то и после какой-то борьбы за что-то – мое “что-то” остается сохраненным и заключенным в моих писаниях. Я думаю, что литература современная должна быть биографией: правда, “вечности” нет, из чего же исходить, из какой реальности? В этом и есть секрет моей долговечности в литературе: я пишу только о том, что сам лично пережил <...> Я думаю, <...>, что все мои писания есть биография» [Пришвин, 2010. С. 677].

Невидимый град «былого» становится основой дневниковых записей С. Дурылина. В самой структуре дневника «В своем углу», по мнению А. Резниченко, воплощается своеобразный способ мышления как памятования, где собираются различные замыслы, но так и остаются «в стране былого». Как и в записях Дурылина, в дневниках Пришвина создается особое пространство, где живут и обретают самостоятельную реальность замыслы произведений, так и не воплощенные в реальности.

Метафизика творческого процесса и самого жанрового поведения формируется на протяжении всего творчества Пришвина. Квинтэссенцию этого видения Пришвин собирался описать в отдельной книге, которая должна была стать последней частью автобиографического романа «Кашеева цепь», где писатель пытался осмыслить весь свой духовный путь от Начала века до последних дней жизни, вы-

страивая основные звенья этого пути: частями общей картины, по замыслу, должны были стать роман «Начало века», при жизни так и не написанный (сохранились фрагменты, рассыпанные в дневниковых записях), и также оставшаяся замыслом книга о творчестве. На страницах дневника появляются и обсуждаются замыслы и других книг – «Книги войны», романа «Журавлиная родина» (см.: [Константинова]). 6 апреля 1915 года Пришвин пишет: «Идея: “Черного араба” превратить в целую “экзотическую” книгу. “Птичье кладбище” – в книгу земли русских сказок, “Невидимый град” – в книгу религиозных исканий, “Книга войны” и пр.» [Пришвин, 2007. С. 172] (См. также упоминание о «Книге войны» среди книг, которые нужно написать, 9 апреля 1915 года [Пришвин, 2007. С. 173]. См. подробнее: [Кнорре]). Замыслы ненаписанных книг так и остаются фрагментами дневника, становятся его темами и сюжетами, частью философских размышлений о путях творчества, растворяясь в ткани дневника, ставшего, как потом напишет Пришвин, основной наиболее удавшейся книгой жизни: «Повесть моя зарастает, и я думаю: не больше ли всякой повести эти записи о жизни, как я их веду?» [Пришвин, 1957. С. 723]; «Думаю, если очистить его от неудач, и так бы сделать лет за 10, и очищенное собрать в один том, то и получится та книга, для которой родился Михаил Пришвин» [Пришвин, 1957. С. 726]. Дневник становится источником сюжетов романов и повестей Пришвина, alter ego автора в дневнике (от «бунтующего Евгения» до «праведного разбойника») отражает судьбу автобиографического героя Алпатова в романе «Кашеева цепь», в повестях «Мирская чаша» и «Жень-шень», в повести «Журавлиная родина».

Литература

- Глухова Е. В. Лермонтов и мифологемы религиозно-философской и символистской критики конца XIX – начала XX века // Соловьевские исследования. 2015. № 1 (45). С. 131–145.
- Кнорре Е. Ю. Сюжет «пути в Невидимый град» в творчестве М. М. Пришвина 1900–1930-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 295 с.
- Константинова Е. Ю. Эволюция замысла книги о творчестве «Журавлиная родина» в контексте проблематики дневников М. М. Пришвина 1928 года // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Вып. 4. М.: МГПИ, 2005. С. 162–166.
- Магомедова Д. М. Переписка как целостный текст и источник сюжета / Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М.: Мартин, 1997. 221 с.

- Магомедова Д. М.* Переписка символистов как целостный текст и источник сюжета // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 759–785.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1936–1937 / Подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой; Статья, коммент. Я. З. Гришиной. СПб.: Росток, 2010. 992 с.
- Пришвин М. М.* Дневники 1914–1917 гг. / Подгот. текста Л. Я. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной, [В. Ю. Гришина]. СПб.: Росток, 2007. 608 с.
- Пришвин М. М.* Собрание сочинений: В 6-ти томах. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 736 с.

Екатерина Анатольевна Турук

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
turuk@ngs.ru*

**РЕДКИЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ М. М. ПРИШВИНА
В БИБЛИОТЕКАХ г. НОВОСИБИРСКА**

Ekaterina Anatolyevna Turuk

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

**RARE EDITIONS OF M. M. PRISHVIN'S WORKS
IN THE LIBRARIES OF NOVOSIBIRSK**

Прижизненные и редкие издания трудов выдающихся писателей, публицистов представляют особую культурно-историческую ценность, к ним всегда относятся с особым вниманием хранители книжных фондов. Один из таких авторов – М. М. Пришвин. Крупнейшие научные библиотеки г. Новосибирска располагают рядом ценных изданий его сочинений и выпусками журналов, в которых опубликованы его произведения.

Самым ранним изданием М. М. Пришвина в фондах новосибирских библиотек является публикация повести «Крутоярский зверь» в 15-й книге литературно-художественного альманаха «Шиповник» за 1911 г. Отдельные выпуски этого известного неперIODического издания Серебряного века хранятся в Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН. Примечательно, что в экземпляре 15-й книги сохранилась обложка альманаха работы Льва Бакста – величайшего театрального художника и иллюстратора, участника объединения «Мир искусства» и художественных проектов С. Дягилева.

В Новосибирской государственной областной научной библиотеке (НГОНБ) хранится 18-я книга «Шиповника» за 1912 г., где напечатана повесть М. М. Пришвина «Никон Староколенный», однако этот экземпляр не имеет художественно оформленной обложки. Всего в НГОНБ выявлено около двадцати редких прижизненных изданий сочинений М. М. Пришвина, среди которых «Колобок» 1923 г. с рисун-

ками А. Могилевского и «В краю непуганых птиц» 1934 г. с переплётом, рисунками и перерисовками с фотографий А. П. Радищева.

Среди особенных изданий Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН стоит отметить две миниатюрные книги «Времена года» и «Почти каждая любовь кончается раем» 1990-х гг., а также примечательное издание книги «Весна света» 1955 г., переданное в дар Сибирскому отделению РАН выдающимся советским и российским историком и культурологом, профессором А. И. Клибановым в составе своей библиотеки, включающей более чем 6000 книг и периодических изданий.

Таким образом, экземпляры редких изданий сочинений М. М. Пришвина, хранящиеся в крупнейших библиотеках г. Новосибирска, представляют художественную и историческую ценность и заслуживают внимательного рассмотрения как часть книжной культуры Сибири.

Лариса Степановна Соболева

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
l.s.soboleva@mail.ru*

**МЕЛОДИЯ РОДА В СИМФОНИИ ЖИЗНИ
ПРОФЕССОРА ЕЛЕНА ДЕРГАЧЕВОЙ-СКОП (1937–2022)⁴**

Larisa Stepanovna Soboleva

*Ural State University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russian Federation*

**THE MELODY OF THE KIN IN THE OF LIFE SYMPHONY
OF PROFESSOR ELENA DERGACHEVA-SCOP (1937–2022)**

Каждый человек принадлежит роду... Род,
родственные отношения — вот, что останется
с человеком всегда, как бы не уходил человек
в отвлеченные рассудочные взаимоотношения

А. Ф. Лосев

Многогранная, наполненная продуктивным смыслом жизнь профессора Новосибирского университета Елены Ивановны Дергачевой-Скоп как интересная открытая книга для ее коллег, учеников и последователей. Невероятная работоспособность, преданность делу

⁴ Статья проверена и дополнена автором: Соболева Л. С. Мелодия рода в симфонии жизни профессора Елены Дергачевой-Скоп // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология. С. 5–28.

сохранения памятников книжной культуры, глубина разрабатываемых проблем, которыми профессор щедро делится со всеми, кто готов ее слушать, создают поле постоянного притяжения. В резонансе с ее идеями постоянно находится множество близких учеников, выросших в атмосфере обаяния личности Елены Ивановны. Но есть страницы в биографии профессора, связанные с родовыми корнями, знание которых способно углубить феномен ее жизненного и профессионального успеха и придать ему статус закономерности. Это важно не только для выстраивания контуров конкретной биографии, но и в более широком смысле – для выявления вектора судьбы интеллектуальной элиты общества, что для каждого времени своего рода лакмусовая бумажка на его состоятельность и историческую продуктивность.

Небольшое отступление

На очередном витке очерчивания связей человека и истории, жизни и судьбы общественная мысль и художественное сознание обращаются к родовой константе бытия. Сделав вновь биографию человека точкой воссоединения «распадающейся связи времен», научная история коррелируется с повседневным вниманием к родословиям в современной художественной и бытовой культуре. Оглядываясь назад, понимаешь, что в истории были моменты жесткого политического противостояния чувствам родовой близости. Сформированная и выверенная веками система семейно-родовых ценностей вступала в противоречие с идеологической конъюнктурой времени. Не углубляясь глубоко в историю, показателен в этом аспекте опыт советской идеологии, когда родовые связи целенаправленно и последовательно использовались для преследования малейшего видимого или мнимого инакомыслия, и власть использовала родственные отношения в спекулятивных целях утверждения классового единения народа на основе трагической неразрешимости родовых конфликтов в первых десятилетиях XX в.⁵ Военное и послевоенное время меняет ситуацию, родственные чувства используются как факторы бесстрашного поведения в сражениях за «родной дом». Романтические барды 60-х годов зовут оторваться от родного дома уехать «за туманами» в неведомую тайгу, но одновременно появляется и все больше за-

⁵ Особенно остро это проявлялось в искусстве и пропагандистских компаниях в начале установления нового идеологического диктата. Родовые привязанности человека рассматривались как помеха на пути к новому порядку, что порождало в художественном творчестве незаурядные сюжетные коллизии и трагические развязки.

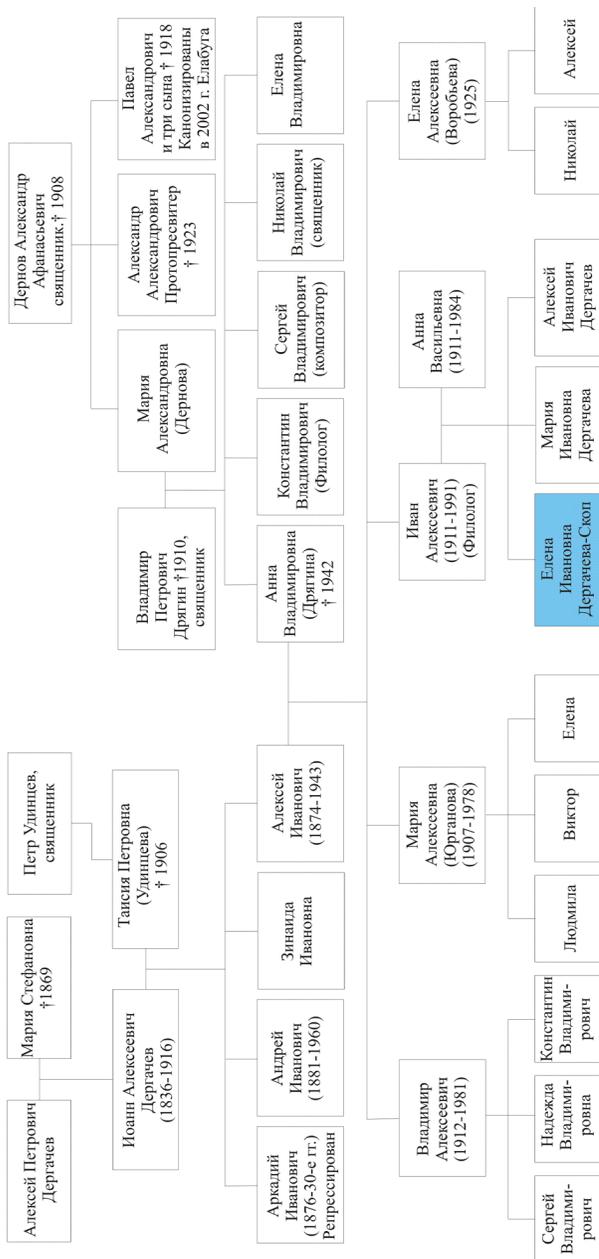
хватывает литературу тема верности родной земле, ее неизбывной ценности для становления человека (произведения Астафьева, Белова, Распутина и др.), и тема родовой памяти становится основой для приговора о нравственном состоянии человека и общества. Именно литература (причем глубинная, провинциальная) ранее всех нащупала болевые точки нарастающего кризиса и искала пути его преодоления в обращении к проверенным механизмам выживания. В основе главной стратегии самосохранения народа оказывается актуализация верности роду, родового единения и памяти о предках⁶. Успех художественного воплощения этой идеи в различных сферах искусства был предопределен исторической преданностью родовым ценностям в глубинах национальной культуры⁷. Ослабление давления советской идеологии, видящей историю, через призму классовых столкновений, в конце 90-х годов приводит к возрастанию интереса к родовым корням. В связи с этим появляются подробные родословия, наполненные рассказами о различных ветвях родословного древа, своего рода микроистория, включающая в себя устные воспоминания в письменной форме. В фольклорном исполнении появляются рассказы о родственниках, прошедших тюремные и лагерные испытания, раскулаченных и сосланных, пропавших без вести, побывавших в плену и т. п.

Род Елены Дергачевой в нескольких ветвях связан с Уралом. Родина – Свердловск-Екатеринбург, отец – самый видный филолог уральского региона второй половины XX в., профессор Иван Алексеевич Дергачев. Мне посчастливилось узнать И. А. Дергачева в расцвете его преподавательской и исследовательской карьеры. Это такая удача для филологии, что были исторические времена, когда в науку шли наиболее способные и талантливые люди, обладающие к тому же жизненной энергией и творческим потенциалом. Пример отцовской деятельности как высокого служения и бескорыстной преданности не только изучения, но и создания духовного бытия в Отечестве, сделали неизбежным наследование его профессии старшей дочерью Еленой. Что, впрочем, не исключало поиска самостоятельного пути и внутренней полемичности выбора исследовательских приоритетов в филологическом пространстве.

⁶ Подробнее обоснование идеи см.: [Никитин, Соболева].

⁷ Насколько важным был данный концепт свидетельствует словарное гнездо с корнем -род, охватывающее самые важные сферы бытия человека: родня, родина, родинка, сродник, народ, порода, природа, выродок, недород, урод, родословие, родоначальник, зарод, родимчик, родной, родить, и т. д.

Родословие Елены Ивановны Дергачевой-Скоп (род Дергачевых)

Родовые корни биографии Ивана Алексеевича как с отцовской, так и с материнской стороны связаны с уральским духовенством, и на этом моменте хотелось бы остановиться особо. В православии на протяжении нескольких веков фигура священника была ключевой для становления и развития локальной культуры и нравственности. Священник, будучи в центре местных конфликтов, в меру сил должен был способствовать улучшению нравов, именно к нему, тянулись прихожане, чтобы получить утешение в горе и совет в затруднительных обстоятельствах. Духовное служение не ограничивалось пребыванием в церкви. Рождение, крещение, венчание, похороны — все главные точки биографии человека пересекались с личностью местного приходского батюшки. Жизнь самого священника и его семьи была открыта для прихожан, была в центре их внимания и обсуждения. Собственно священник был на службе днем и ночью, и к нему в сознании людей предъявлялись всегда повышенные требования. Он должен был быть примером для них не только в церковной жизни, но и в бытовой, и осознавать эту непростую и тяжелую ношу в полной мере. Нераздельность личной жизни и церковного служения зачастую были основой той критики, которой подвергалась священническая среда в общественном сознании и в литературе. В контексте этого положения становится понятно, как непросто было заслужить особое одобрение не столько духовного начальства, сколько собственных прихожан.

Духовная стезя была одним из немногочисленных вариантов пути к жизненному успеху, возможность реализовать талант и силу человеческого духа вне зависимости от сословного статуса. Известно, что в русской истории высшие должности в церковной иерархии имели лица и крестьянского происхождения. И сама среда, будучи связана с обязательной грамотностью, опытом регулярного чтения, создания и произнесения поучительных слов и проповедей, становилась своего рода «культурным инкубатором». Из этой среды, помимо высокообразованных лиц духовного звания, выходили историки, литераторы, юристы, преподаватели, врачи и другие специалисты различных сфер знаний. Профессиональными качествами, которые перерастали в родовые черты, были умение и желание общаться с людьми, готовность прийти им на помощь, установка на работу во имя общественного блага, сохранение памяти о предках. И хотя, как в любом явлении, жизнь духовенства была полна противоречий, соотносимых с конкретными людьми и историческими ситуациями, подобного рода выводы вытекают из исторического общественного опыта.

Таисия Петровна Дергачева (Удинцева)

Таисия Петровна Дергачева (Удинцева).
1904 год

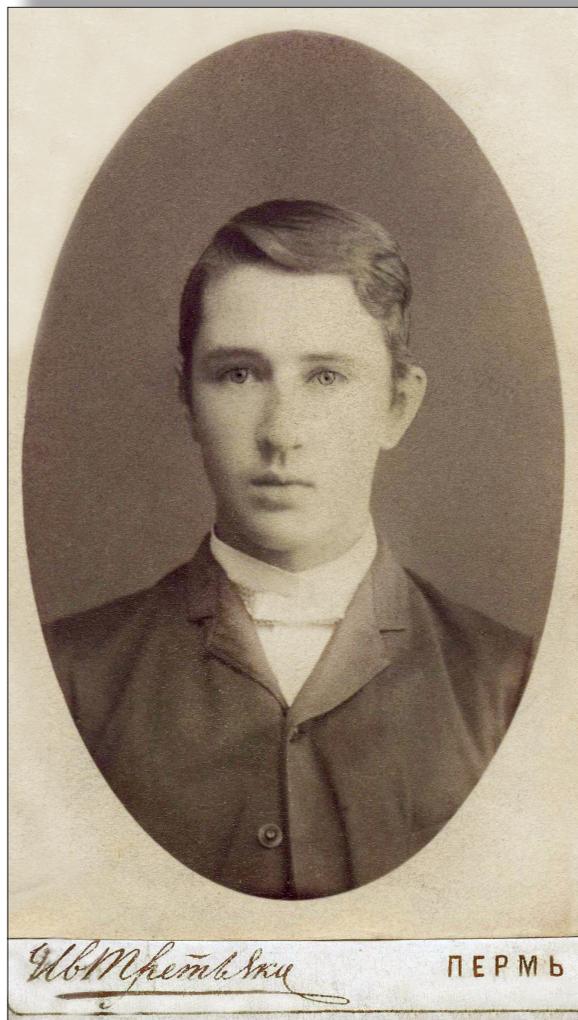
Аркадий Дергачев.
1900 год

Аркадий Дергачев.
Чита, 1914 год

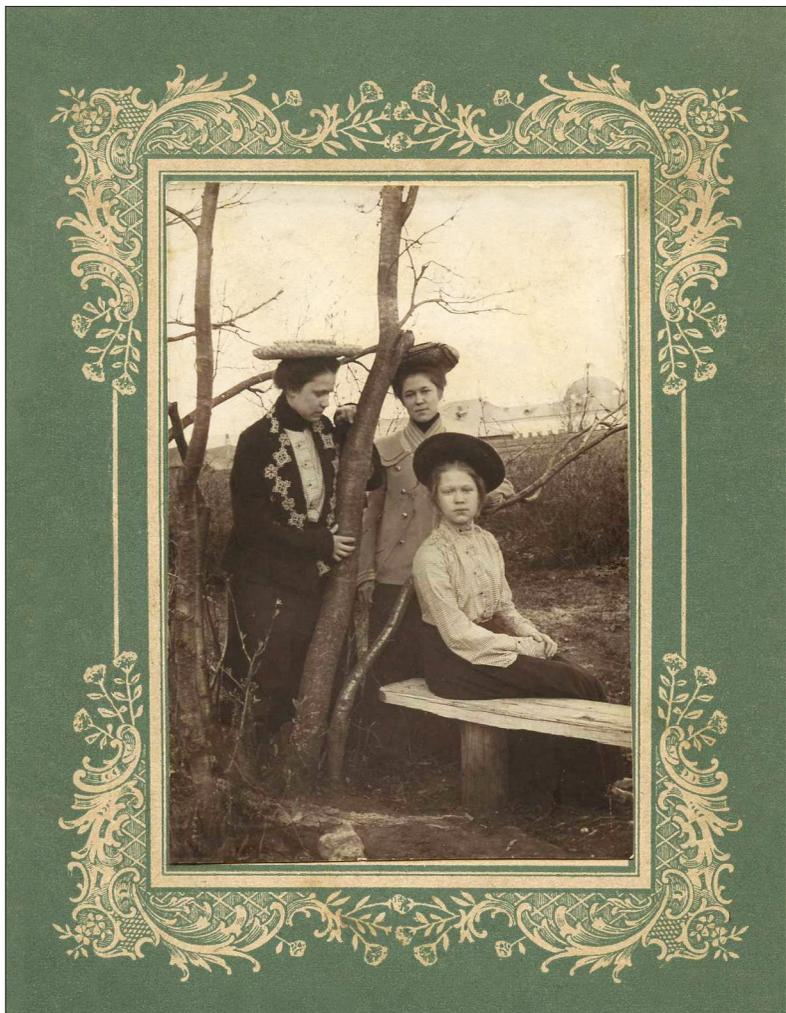
Андрей Дергачев.
Томск, 1904 год

Алексей Дергачев.
Пермь, 1900 год

Семья Дрягиных. Вятка

Мать и сестры Дрягины.
1904 год

Дети А. И. Дергачева
(Владимир, Иван, Мария).
1913 год

Александр Александрович Дернов.
Санкт-Петербург, 1915 год

Портрет Ивана Алексеевича
Дергачева, отца Елены
Ивановны. 1950

Анна Васильевна Дергачева (Слободанинова), мать Елены Ивановны,
1930-е годы

Иван Алексеевич, Анна Васильевна, Елена, Мария и Алексей.
1960

Елена Ивановна

Родословие отца Елены Ивановны, профессора И. А. Дергачева дает возможность показать драматическую судьбу духовенства – с одной стороны, и конструктивную, деятельную роль духовенства и выходцев из него в судьбе отечества – с другой. Источниками родословия, помимо документальных свидетельств, стали фотографии, передающиеся из поколения в поколение вещи – свидетели истории, и сохранившиеся родовые воспоминания. К рукописным источникам, хранящим информацию о роде, относится «Исторический календарь» на 1909 год, где в конце каждого месяца на специальных чистых листах несколько поколений Дергачевых оставляло записи о рождении, крещении, смерти членов рода^{8*}. Таким образом, события семейной истории соотносились с историей России.

В родословии Ивана Алексеевича условно можно выделить три линии – **Дергачевы, Дрягины и Дерновы**. Первая линия – отцовская – потомственные священники **Дергачевы**. Первые сведения о них относятся к родителям Иоанна Алексеевича Дергачева (дедушки Ивана Дергачева) и записаны его рукой в упомянутом Историческом календаре за 1909 г. Так, в февральских страницах указано на поминовение 12 февраля (год отсутствует) **Алексея Петровича Дергачева** (род. 1806), в записях, помещенных на чистом листе после 31 декабря, говорится: *«15 дек[абря] кончилась моя Мамаша в 1869 г. Мария Стефановна»*. Здесь же записан рассказ отца Иоанна о своем сне: *«Я был болен и видел утром сон. Родитель подводил какого(-то) Владыку к большим цер[ковным] дверям ограды. Владыка и з[а]рит: «Они уже мертвы!» Родитель был в синем куколе на клобуке. В постели я получил письмо с нарочным о смерти мамы. И воскрес мой сон»*.

Больше сведений сохранилось о его сыне – **Иоанне Алексеевиче Дергачеве** (1836–1916), который был одним из самых авторитетных священников на Урале. Его активная деятельность получила отражение в Екатеринбургских епархиальных ведомостях. В ряде номеров присутствуют статьи, посвященные отцу Иоанну, там же были напечатаны воспоминания самого священника, его проекты и предложения. Вспоминая в день празднования 35-летнего юбилея пастырского служения, отец Иоанн признавался, что слабость здоровья в детстве не позволила ему мечтать о высшем образовании в молодости, и после окончания Пермской семинарии в 1860 г.⁹ он 5 лет проработал учителем духовной школы. С неприкрытым удовлетворением И. Дер-

^{8*} При передаче записей сохраняем орфографию оригинала, восстановленные части слов заключены в квадратные скобки.

⁹ См.: [Шестаков. С. 50].

гачев писал о себе: «...избрал я скромную роль пестуна духовного юношества в низшей духовной школе и с чувством благодарной памяти вспоминаю теперь это пятилетнее служение мое на педагогическом поприще», Именно это служение стало его первой «жизненной школой» и поселило у молодого священника уверенность в своих силах [Екатеринбургские епархиальные ведомости, 1900. С. 536].

С 1860-х годов отец Иоанн будучи священником церкви Петра и Павла в селе Полевском, основал первое в Екатеринбургской епархии попечительское общество «О бедных и школах», за что заслужил благодарность не только епископа, но прежде всего своих прихожан. В обращении к епископу прихожане рассказывали о деятельности попечительства, возглавляемого отцом Иоанном, и писали следующее: «4 июня собрание единодушно постановило благодарить о. Иоанна за его труды каким-либо вещественным приношением ему, но отец Иоанн решительно отказался от какого-либо подарка от попечительства, а испросил у него как милость скинуть долг попечительству состоящий на построенном обществом по его инициативе часовне Вознесения Господня на память о в Бозе почившем Царе освободителе». В резолюции на это прошение было указание на публикацию этого прошения в епархиальных ведомостях, чтобы «соделалось известным всей епархии и вызвало подражателей» [Екатеринбургские епархиальные ведомости, 1886. С. 1015]. После семилетнего служения старшим священником в Шадринской Николаевской церкви, И. А. Дергачев был переведен на место протоиерея в Камышловский Покровский собор. В день чествования его как благочинного Шадринского уезда перед переводом его в Камышлов было произнесено много теплых и сердечных слов, отнюдь не формального свойства. В обращении к отцу Иоанну прихожане, характеризуя его, говорили: «во всякое время готовый выслушать недоразумения наши, а иногда и жалобы, ты всегда давал полезные и верные советы и как любвеобильный отец примирял недовольных между собою...», его характеризуют как «всегда приветливого, всегда простодушного, ласкового к нашим семействам, за то и семья наша полюбила и не стеснялась твоим присутствием, вела себя как со своим родным» [Екатеринбургские епархиальные ведомости, 1894. С. 357]. Протоиерей Иоанн Дергачев скончался 28 декабря 1916 г., и в некрологе на его смерть автор, скрывший имя под литерами П. Д. Т., отмечал его ум, живой и сильный характер, замечательную энергию и подвижность. Говоря о его слабом здоровье и изможденном внешнем облике, автор не без юмора передавал рассказ самого отца Иоанна: «Когда я женил-

ся и стоял под венцом, то окружающая публика не стеснялась вслух делала обо мне замечания: «В гроб краше кладут». И вот он четырех детей воспитал, дав им высшее образование, схоронил жену и умер в глубокой старости». И отвечая на вопрос, что крепило его, автор отвечает, что причиной тому замечательный характер: добродушный и уравновешенный. Однако при всей своей незлобivosti он был тверд духом, прямо и открыто выражал свои мнения, ни перед кем ни пасуя, не входя ни в какие компромиссы, смело всем в глаза глядя. «Рыцарем без страха и упрека» называет его автор. Высказыванием, что «в наш кислый век, в век умеренности и аккуратности, немного уже осталось таких кремней», – завершает некролог автор [Екатеринбургские епархиальные ведомости, 1917. С. 121–122]. За активную работу во время Первой мировой войны по сбору пожертвований протоиерей Иоанн Дергачев был награжден специальной медалью Красного Креста [Екатеринбургские епархиальные ведомости, 1907. С. 295–296; Семячкова, 2006. С. 199]. Среди немногочисленных семейных реликвий сохранилась печатка протоиерея из горного хрусталя и серебряные часы, подаренные родственниками к его юбилею. В тяжелое время Великой Отечественной войны была утрачена в Перми большая родовая библиотека, которую начал собирать отец Иоанн.

На одном курсе с Иоанном Дергачевым учились Василий Петрович Удинцев, ставший впоследствии протоиереем Петропавловского собора в Перми – главного храма города – и Геннадий Петрович Удинцев, избравший затем карьеру военного врача в Харьковском горни-зоне [Шестаков, 1900. С. 52]¹⁰. Женой Иоанна Дергачева стала **Таисия Петровна** урожденная **Удинцева**, с которой он, видимо, познакомился через своих сокурсников. Она умерла в 1906 г. На сохранившихся фотографиях предстает статная, красивая женщина, всегда поддерживающая мужа и достойно воспитавшая своих детей. Ее отец Петр Васильевич Удинцев, выпускник Пермской семинарии 1834 г. [Там же. С. 15], с того же времени служил законоучителем Уктусской горной школы, а в середине XIX в. работал в Кушвинской заводской школе. По сведениям Ивана Алексеевича, родственником его бабушки был Дмитрий Аристархович Удинцев, муж сестры Мамина-Сибиряка – Елены Наркисовны Маминой.

Материальное положение благочинного, а потом протоиерея позволило Иоанну Дергачеву дать высшее образование всем трем

¹⁰ Правнуки Таисии Петровны от внука Владимира Алексеевича Константин и Сергей (Владимировичи) также избрали врачебную карьеру хирурга.

сыновьям. Старший сын **Аркадий Иванович** (1876 – 30-е годы XX в.) после окончания Пермской семинарии в 1898 г. становится студентом Томского университета, где учится на юридическом факультете. К сожалению, о его судьбе нет более подробных сведений, волею судеб он после гражданской войны оказался на Дальнем Востоке, где в 30-х годах работал в земельном отделе администрации Читинской области и погиб в результате репрессий. На сегодняшний день его имя значится в списке пострадавших от репрессий в этом регионе.

Третий сын **Андрей Иванович** (1881–1960) получил высшее юридическое образование в Томском университете, после революции в 30-х годах работал в Семипалатинске, затем в Алма-Ате, где до глубокой старости служил юрисконсультom республиканского правительства.

Второй сын **Алексей Иванович** (1874–1943) также значится среди выпускников Пермской семинарии в 1894 г. [Там же. С. 93]. Сразу после окончания он был направлен за государственный счет в престижную Санкт-Петербургскую духовную академию, которую он закончил со степенью кандидата богословия в 1898 г. Его диплом свидетельствует об особом отличии выпускника в области языков. Блестящее знание древних и европейских языков помогло ему избрать преподавательскую деятельность. В период до 1900 г. он преподавал греческий язык в Вятском духовном училище¹¹. Именно там сочетался брак с дочерью видного вятского священника, преподавателя этого училища Владимира Петровича Дрягина Анной, с которой, видимо, познакомился еще в Петербурге. Вернувшись в Пермь, А. И. Дергачев преподавал древние языки и психологию в Пермском университете и служил инспектором народных училищ. В дореволюционное время состоял членом Губернской архивной комиссии. Архивная комиссия, куда входили видные и уважаемые люди Перми, много лет занималась сбором и изданием документов, касающихся истории Урала. Возглавлял работу известный историк А. А. Дмитриев. Интерес к истории России станет неременной частью научных интересов Дергачевых в следующих поколениях. Показателен факт дружеских отношений семьи Дергачевых и Богословских. Младшую дочь Алексея Ивановича Елену (а возможно и других детей) на дому в 1925 г. крестит священник Степан Михайлович Богословский, отец профессора-краеведа Павла Степановича Богословского,

¹¹ Именно так описывает начало его карьеры в своем справочнике И. Шестаков. См.: [Шестаков, 1900. С. 93].

известного ученого, создавшего в конце 20-х годов в Пермском университете Общество по изучению Северного края. Алексей Иванович самолично делает запись об этом событии с указанием на имя С. М. Богословского в историческом календаре, служившем семейной летописью. Иван Алексеевич Дергачев, став деканом филологического факультета УрГУ пригласит П. С. Богословского возглавить кафедру, но переезд в Свердловск, к сожалению, не состоится, Павел Степанович примет в послевоенное время предложение о работе от ректора Пермского университета.

После революции вряд ли случайностью была работа А. И. Дергачева в отделе надзора за беспризорными Губернского отдела народного образования, столь актуальная после гражданской войны. Иван Алексеевич с юмором вспоминал о семейной поездке в Крым, где знакомые беспризорники, искренне уважавшие Алексея Ивановича, охраняли их вещи на вокзале. Умер Алексей Иванович в 1943 г., в тяжелое военное время в Свердловске, куда он переехал в начале войны к дочери Марии, Анна Владимировна умерла раньше.

В семье А. И. Дергачева было четверо детей. Все сыновья получили высшее образование, но пошли разными путями. Старший **Владимир Алексеевич** стал крупным специалистом по моторостроению, возглавляемый им отдел на Пермском моторном заводе разрабатывал и испытывал узлы двигателей для ракет и ракетное топливо. В этой области он был одним из самых авторитетных специалистов в стране. Награжденный Орденом Ленина, он мало рассказывал о своей сверхсекретной работе, родные догадывались о его участии в космических проектах, сопоставляя информацию о запусках и сроки командировок. Младший сын Дергачевых **Иван Алексеевич** нашел себя в филологии и преподавательской деятельности, к его биографии мы вернемся ниже. Фармацевтом стала старшая дочь **Мария Алексеевна**, медсестрой самая младшая **Елена Алексеевна**.

Линия бабушки в родословии Елены Ивановны – **Анны Владимировны Дрягиной** (матери Ивана Алексеевича), восходит к роду вятских священников, не менее интересна, показательна и даже более драматична. Все ее родственники были из Вятской губернии. Семья Дрягиных в Кирове была широко известна.

Вятские священники **Дрягины** упоминаются в документах с начала XVIII в. **Владимир Петрович Дрягин** (1847–1910) – прадед Елены Ивановны (дед Ивана Алексеевича) по материнской линии – был очень уважаемым человеком в дореволюционной Вятке. У него, как лучшего студента, после окончания Вятской семинарии была возмож-

ность продолжить обучение в Казанской духовной академии, но от этого пришлось отказаться по семейным обстоятельствам. Надо было поднимать многочисленных братьев и сестер после преждевременной смерти отца. Владимир Петрович в течение 10 лет преподавал в Вятском духовном училище и одновременно служил в Вятском тюремном замке и в земской больнице. Е. Н. Лобанова (внучка В. П. Дрягина), в статье о роде Дрягиных, пишет, что знавшие его современники особо отмечали трудолюбие и бескорыстие священника, он был членом многочисленных благотворительных и просветительских обществ и братств [Лобанова, 1996. С. 107–109]. Кроме того, Владимир Петрович обладал незаурядными ораторскими способностями, в связи с чем ему поручалось произнесение проповедей по особо праздничным дням в Кафедральном Соборе. Последние 12 лет он служил протоиереем Александро-Невского Собора – одного из красивейших храмов Вятки, построенного на деньги прихожан (взорван в 1937 г.). Его постигла скоропостижная смерть. 2 января 1910 г. после окончания службы он скончался на 63 году жизни [Вятские епархиальные ведомости, 1908. С. 274].

Осталась многочисленная дружная и талантливая семья. Говоря официальным языком, ее члены много сделали для развития края. Братья Анны Владимировны составляли видную творческую интеллигенцию Вятки (Кирова) конца XIX – первой половины XX в. Родовой чертой был интерес к искусству и литературе. **Константин Владимирович Дрягин** (1891–1950) был одним из первых профессоров филологии Кировского пединститута, членом Союза писателей, поэтом¹². Его филологические изыскания высоко ценил Иван Алексеевич Дергачев. Перу К. В. Дрягина принадлежит одна из первых работ, посвященных русскому экспрессионизму [Дрягин, 1928]. Константин Дрягин был остер на язык, его шутки и эпиграммы были популярны среди студентов и коллег. Второй брат **Сергей Владимирович** после окончания Петербургского историко-филологического института вернулся в Вятку (Киров), стал известным музыкантом. У него была первая большая нотная библиотека в городе, в составе которой находились автографы многих известных композиторов, с которыми он переписывался. Сергей Владимирович сам сочинял музыку к спектаклям, блестяще импровизировал. **Николай Владимирович Дрягин** продолжал традицию духовного служения. Описывая свою семью, Е. Лобанова со ссылкой на имеющееся письменное родословие,

¹² Подробно биографию, отрывки из сочинения К. В. Дрягина см.: [Лобанова].

говорит о преподавательской традиции в выборе профессии в роду Дрягиных¹³.

Помимо сыновей, в семье Дрягиных было несколько дочерей (Мария, **Анна**, Елизавета, Елена), которые тоже получили образование в епархиальном училище. Выпускники – или как их называли «епархиалки» – получали знания преимущественно в сфере гуманитарных наук, языках, ведении домашнего хозяйства. О нравственной атмосфере и высоком понятии долга, свойственном членам семьи, свидетельствует факт трагической гибели младшей дочери Елизаветы Владимировны. Работая медсестрой, она ставила прививки детям от ветряной оспы. В какой-то момент, один из детей почувствовал себя плохо, ей показалось, что это она ошиблась и ввела ребенку неверную дозу вакцины, от чего тот оказался при смерти. Сейчас невозможно установить подлинную причину детской реакции, как известно, медицинская практика знает о специфических реакциях на прививки, которые приводят к нежелательным последствиям. Но Лиза взяла вину на себя <...> и не смогла жить с этим. Ребенок выжил.

Судьба рода **Дерновых**, к которому принадлежала прабабушка Елены Ивановны (бабушка Ивана Алексеевича) по материнской линии **Мария Александровна**, отличается особой драматичностью. Особо стоит сказать о братьях Марии Александровны – Александре и Павле.

Анна Дрягина и Алексей Дергачев могли познакомиться в Петербурге, куда Анна приезжала к своему родному дяде **Александру Александровичу Дернову** (1857–1923). Сохранила ее петербургская фотография. В последнее время об Александре Александровиче Дернове появилось много новых материалов, так как его судьба была связана с важными страницами в истории русского православия конца XIX – начала XX в. и жизнью царской семьи¹⁴. Этот выдающийся человек, родился 15 февраля 1857 года в селе Никольское Яранского уезда Вятской губернии в семье местного священника **Александра Афанасьевича Дернова** (1833–1908) и его супруги Ольги Константиновны. В большой семье Дерновых было три сына и семь дочерей, одна из которых — Мария – стала женой священника В. П. Дрягина. Все сыновья Дернова пошли по духовной линии. **Александр Александрович** после окончания Вятской семинарии как лучший ученик был

¹³ См.: [Лобанова, 1996].

¹⁴ URL: <http://www.pravpiter.ru/sovs/n024/ta008.htm> (дата обращения 5. 09. 2011); URL: urzhum.ucoz.ru/news...protopresviter...dernov... (дата обращения 5.09.2011); URL: rusk.ru/st.php?idar=14808 (дата обращения 5. 09. 2011).

принят в Петербургскую духовную академию, которую блестяще закончил в 1882 г. со степенью кандидата богословия. Он не только занимается своим профессиональным делом, став священником, но и считает делом жизни распространение религиозно-нравственного просвещения. Став законоучителем Петербургских педагогических женских курсов, он создает для своих слушательниц учебник «Чтения по Закону Божию», который, по общему признанию, в то время был одним из лучших учебных сочинений по данному предмету. Учебник неоднократно дополнялся и переиздавался. О степени преподавательского дарования А. А. Дернова говорит тот факт, что с 1884 по 1899 гг. он преподает Закон божий племянникам государя, детям Великого князя Владимира Александровича. В 1915 году отец Александр, ставший к тому времени протоиереем, получает должность заведующего придворным духовенством и сан протопресвитера, возглавляет с 1899 г. Петропавловский собор. Он ведет нравственные беседы в Казанском соборе, во Входеоерусалимской-Знаменской церкви, в Троицкой и Воскресенской церквях Общества распространения религиозно-нравственного просвещения, в Городской Думе, на фабрике братьев Брусницыных. Его лекции пользуются успехом, он отмечает, что обычно на них приходило от 70 – до 200 человек. Удивительны воспоминания Дернова, где он постоянно подчеркивает свой одинокий энтузиазм в общении с прихожанами Петербурга. После прихода советской власти его арестовали, но в тюрьме держали сравнительно недолго, 2 (15 – по новому стилю) октября 1923 г. Александра Дернова не стало.

Второй брат Марии Александровны протоиерей **Павел Александрович Дернов** (1870–1918) был видным и авторитетным священником в Елабуге. Он имел высшее духовное образование (закончил Казанскую духовную академию) преподавал закон божий в реальном училище и в женской гимназии. Получив место священника Елабужского Спасского собора, он не оставил просветительской деятельности и много сил отдавал организации библиотеки для городского духовенства, читал курс литературы в педагогическом классе женской гимназии. О его любви к русскому слову свидетельствует тот факт, что когда в 1899 г. в елабужском училище отмечалось столетие со дня рождения А. С. Пушкина, Павел Дернов произнес проповедь о значении творчества поэта для России [Дернова, 1992]. Его профессиональные и человеческие пристрастия гармонично переплетались, в 1903 г. Павел Александрович по поручению педсовета написал книгу, посвященную истории Елабужского реального учили-

ща, о качестве которой до настоящего времени высоко отзываются историки края [Дернов, 1903]. Трагедия постигла семью в феврале 1918 г. Следуя призыву патриарха Тихона провозгласить анафему всем гонителям Русской церкви (январь, 1918), отец Павел произнес 10 февраля проповедь на эту тему, хотя не мог не понимать всей опасности этого поступка. Проповедь была основана на пересказе событий из истории первоначального христианства и не содержала призывов к вооруженной борьбе. Тем не менее, после прихода в город красных (кстати, это был мирный, достаточно бескровный захват власти) был провозглашен лозунг о беспощадной борьбе с контрреволюцией.

Отец Павел и трое его старших сына стали первыми жертвами этой доктрины в Елабуге. В отчете «Церковных ведомостей» об этом событии рассказывалось: «В квартиру протоиерея г. Елабуги Павла Александровича Дернова ворвались ночью 15 человек красногвардейцев и увели трех его сыновей. Через несколько минут увели и отца. В квартире произвели обыск, никого из оставшихся близких идти за арестованными не допустили. Обыск сопровождали издевательством и грабежом. На рассвете стало известно о судьбе трех юношей-сыновей, они сидели под арестом в Исполнительном комитете, а отца Павла не могли разыскать. Но вскоре родственникам сообщили, что за городом у мельницы лежит труп убитого священника. Матушка поехала туда, а навстречу ей уже везли на розвальнях убитого Павла. Его не отдали матушке, а повезли в морг. Немало хлопот было, чтобы получить труп. Оказалось, что о Павел был расстрелян еще в 5 часов утра, труп хотели бросить в прорубь, но увидевшие это крестьяне не позволили красноармейцам надругаться над телом священномученика. Лишь в 4 часа вечера привезли тело в квартиру почившего. Родные поехали в революционный штаб и умоляли отпустить арестованных детей к убитому отцу. Там распорядились: «Напишите заявление, чтобы следствие над арестованными произвели вне очереди». В 7 часов вечера обещали рассмотреть его. Но присутствовавший при этом матрос заявил: «Никаких привилегий, разбирать по очереди». Когда арестованные дети узнали, что их отец убит, то один из них не выдержал и назвал красногвардейцев «душегубами». Этого было достаточно, чтобы всех их вывели за город, на пристань, и расстреляли» [Степанов, 1993. С. 66]. Братьев расстреляли среди бела дня. **Борису** было 20 лет, **Григорию** – 18, **Семену** – 17 и он был еще гимназистом. В 2002 г. Павел Дернов и три его сына были канонизированы Русской православной церковью как страстотерпцы [Маркелов, 2008]. Остался младший сын Дмитрий и дочь Варвара.

Свою лепту в развитие русского образования и науки внес сын третьего брата Марии Александровны, священника с. Верхопижемском Котельничского уезда Вятской губернии Андрея Александровича Дернова, который большую часть жизни прослужил законоучителем в церковно-приходских школах. **Николай Андреевич Дернов (1891–1937)** обучался сначала в Яранском духовном училище, а затем в Вятской духовной семинарии, высшее образование получил в Петербургском университете, окончив физико-математический факультет. Научно-педагогическая деятельность Николая Андреевича Дернова продолжалась до 1937 г. и состояла из трех периодов. Самыми результативными были вятский (1917–1927) и воронежский (1927–1934) периоды, самым трагическим – ростовский (1934–1937). Н. А. Дернов не только преподавал в Вятском учительском институте с 1917 г., но и разработал проект создания на его основе педагогического института, который открылся в следующем году. С 1921 по 1926 г. Дернов был ректором пединститута, одновременно редактировал журнал «Путь просвещенца». Очень много и высоко профессионально занимался методикой преподавания в высшей школе, был автором более ста работ, проходил стажировку в Германии и во Франции. С 1927 г. Н. А. Дернов, будучи профессором методики математики, возглавил педагогический факультет Воронежского университета. Важным кредо для своей работы Дернов считал необходимость для студентов широкого образования по общим дисциплинам, а не только по специализации, что говорит о его стремлении готовить в институтах русскую интеллигенцию, а не сугубо технических работников. Став в 1934 г. директором Ростовского университета, он проработал в этом должности до 1937 г., когда, несмотря на его многочисленные труды, творческое развитие идей педагогики и методики, его исключили из партии в июле 1937 г., арестовали и в следующем году осудили по известной 58 статье «За участие в антисоветской террористической организации и подготовку терактов в отношении руководителей КПСС и Советского правительства». Обычно расстрел по этой статье производился в тот же день после приговора. Только в 1989 г. родственники получили разъяснение из Военной Коллегии Верховного Суда РСФСР о причинах ареста и полной реабилитации Николая Дернова [Налбадян М. Б., Налбадян Ю. С.].

Биография отца Елены Ивановны **Ивана Алексеевича Дергачева (1911–1991)** отличается насыщенностью интеллектуального поиска и энергией настоящего дела во всех ее поворотах. В Историческом календаре рукой Алексея Ивановича сделана запись: «5 июля

1911 года в Перми на набережной улице въ доме Яблокова в 4 ½ час. дня родился у меня сынъ Иоаннъ», «9 июля крещен сынъ Иоаннъ на дому въ 5 ч. вечера нареченъ в честь Иоанна Крестителя (24 июня)». В 1928 г. Иван Дергачев поступил в Пермский университет, в дальнейшем преобразованный в Индустриально-педагогический институт. Учителями, о которых всегда помнил Иван Алексеевич, были известный ученый-краевед, профессор П. С. Богословский, под руководством которого он написал дипломное сочинение по древнерусской литературе, и профессор В. В. Гиппиус, не без влияния которого была выбрана тема диссертационного исследования «Поэты кружка Станкевича (1831–1839)». Однако завершить диссертацию не удалось. В 1931 г. И. А. Дергачев направляется в Свердловск, где, несмотря на молодость, получает должность завуча в техникуме связи. Уже здесь проявился главный стержень характера Ивана Дергачева: ничего не делать вполсилы, отдавать душу любому делу и все время учиться. Его знания в области организации связи, которые, как он считал, были необходимы для качественной организации учебного процесса, оказались востребованы во время Великой Отечественной войны, когда Иван Алексеевич – молодой офицер без специального военного образования – возглавил службу связи в военной части. Карьеру преподавателя ВУЗа он начинает до войны в политехническом институте, а в 1940 г. стал одним из организаторов и первым деканом филологического факультета Свердловского (ныне Уральского федерального) университета. Война прервала научные изыскания и преподавательскую карьеру, но человеческая состоятельность позволила выдержать трудный период возвращения из оккупированной территории и с честью дослужиться до воинского звания подполковника. Иван Алексеевич с гордостью вспоминал, как ему пришлось в составе действующей армии освобождать Пушкиногорье от немецкой оккупации. Желание заниматься любимым делом изучения литературы заставило отказаться от весьма заманчивого предложения военной карьеры и учебы в военной академии. Возвращение после пятилетней фронтовой жизни принесло не только радость от возвращения, но и горечь от возникших, подчас неожиданных проблем. Оказалось необходимым изменить тему диссертации, пока Иван Алексеевич воевал, эту тему защитили, не было и вакантного места в Университете, поэтому пришлось начинать с должности заведующего библиотекой Уральского политехнического института, затем должность проректора и завкафедрой русского языка и литературы в Свердловском институте иностранных языков. Но уже в 1959–1964 гг.

организаторский талант Дергачева востребован в Уральском университете на должности декана филологического факультета. Главной научной темой становится творчество уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, которого Дергачев заново открывает научно-гуманитарному сообществу, защищая кандидатскую, а потом докторскую диссертации. Его работа завкафедрой русской и зарубежной литературы, членство в Союзе писателей, председательство в течение 40 лет в Ученом совете литературного музея, членство в редакции журнала «Урал» – все это не просто грани карьеры, это высокое служение своему народу, Отечеству и науке.

Школа – музей – вуз – культурная жизнь города – литературная критика и наука – таковы сферы деятельности И. А. Дергачева. Он никогда не довольствовался чем-то одним, и в каждом биографическом повороте и событии претворялась часть его жизненного таланта. «Я не жалею, – писал Иван Алексеевич в биографической заметке, – ни на обстоятельства, ни на судьбу. Ни один из видов моих занятий не оставил мрачных воспоминаний, раскаяния, ощущения, что “не на той улице жил”. Нет, все “улицы” как-то отвечали моей деятельной натуре. Все они, включая войну, не только отбирали от меня годы, силы, возможности, но и давали мне понимание людей, умение видеть и даже предвидеть, шлифовали все стороны личности» [Иван Алексеевич Дергачев, 1991. С. 14–15]. И. А. Дергачев обладал неоценимой способностью концентрироваться на той сфере деятельности, которой он занимался в тот или иной момент жизни, извлекать из своих занятий максимум полезного для себя, для людей и для науки. В семье тщательно хранили память об ушедших поколениях. Иван Алексеевич любил пересказывать забавные истории, оставшиеся от его отца в его бытность инспектора народных училищ, хранил диплом об образовании в Духовной академии, другие семейные реликвии.

Путь в науку открыла для себя не только старшая, но и младшая дочь Ивана Алексеевича – Мария, ставшая почвоведом с мировым именем. Показательно, что ее работы оказались существенны для археологии, а категорию «памяти» академик РАЕН М. И. Дергачева применяет в связи с изучением гумуса.

В центре научной деятельности Е. И. Дергачевой-Скоп творческое наследие сибирского просветителя XVII – нач. XVIII в. С. У. Ремезова. Мне кажется, что этот выбор не случаен. Здесь переплелись интерес к истории края и уважение к незаурядной талантливой личности писателя, картографа, тобольского просветителя. Близкий друг и уче-

ница Елены Ивановны О. Н. Фокина оставила яркое описание ее научной деятельности, что позволяет не дублировать этот материал в статье [Фокина, 2011].

Представленное родословие открывает нам талантливых, ярких творцов как гуманитарной, так и других областей науки из родственных кланов Екатеринбург, Перми, Вятки. При всей неповторимости судеб и характеров их объединяют преданность выбранному пути, понимание работы как служения, сочетание таланта с бесстрашием и стойкостью в реализации идей.

Литература

- Вятские епархиальные ведомости. 1908. № 10 (отд. неоф.).
- Дернов П.*, священник. Историческая записка о состоянии Елабужского реального училища за 25 лет его существования (1878–1903 гг.). Елабуга, 1903.
- Дернова В. П.* О папе и братьях // Сборник материалов и статей памяти В. П. Дерновой. Алма-Ата, 1992. С. 30–44.
- Дрягин К. В.* Экспрессионизм в России. Драматургия Леонида Андреева. Вятка: Изд. ВПИ, 1928.
- Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1886. № 37 (отд. оф.).
- Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1894. № 14 (отд. неоф.).
- Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1900. № 17 (отд. неоф.).
- Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1907, № 23 (отд. оф.).
- Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 13–14 (отд. неоф.).
- Иван Алексеевич Дергачев (1911–1991) : Библиогр. тр. Свердловск, 1991. С. 14–15.
- Лобанова Е. В.* Из истории рода Дрягиных // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского чудотворца): мат-лы Межд. научн. конф.: в 2 т. Киров, 1996. Т. 2. С. 107–109.
- Лобанова Е. В.* Константин Владимирович Дрягин – ученый, педагог, личность // URL: <http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?> (дата обращения 5.09.2011).
- Маркелов А. В.* Первые новомученики Вятской земли. К 90-летию мученической кончины протоиерея Павла Дернова и его сыновей. Киров (Вятка), 2008.
- Налбандян М. Б., Налбандян Ю. С.* Николай Андреевич Дернов (1891–1938). К 100-летию со дня рождения. Ростов-на-Дону, 1991. Рукопись депонирована в НИИ Высшего образования 4 октября 1991 г., № В32-91 (URL http://mmedia0.cc.rsu.ru/www/umr.umr_download?p_umr_id=17168) (дата обращения 5.09.2011).
- Никитин А. С., Соболева Л. С.* Родовая память как фактор социально-культурной стабильности // Известия УрГУ. 2008. № 59. Сер. 2 «Гуманитарные науки». Вып. 16. С. 322–329.

Семячкова В. В. Благотворительность на Урале и русско-японская война (1904–1905) (по материалам «Екатеринбургских епархиальных ведомостей») // Невьянские исторические чтения: тезисы докл. и сообщений: в 2 т. Невьянск, 2006. Т. 1. С. 199.

Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. М., 1993. Т. 1.

Фокина О. Н. Научный поиск как археографическое путешествие (к 45-летию педагогической и научной деятельности Елены Ивановны Дергачевой-Скоп) // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века). Новосибирск, 2011. С. 13–26.

Шестаков И. Справочная книга всех окончивших курс Пермской духовной семинарии в память исполнившегося в 1900 году (1800–1900) 100-летия Пермской Духовной Семинарии. Пермь, 1900. 101 с.

Ирина Александровна Гузнер

*Новосибирск, Россия
ssguzner@gmail.com*

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ (из воспоминаний)¹⁵

Irina Aleksandrovna Guzner

Novosibirsk, Russian Federation

THEY WERE THE FIRST (from memories)

Моя археографическая жизнь началась для меня неожиданно. После окончания первого курса, отправляясь на практику в фольклорную экспедицию, я не слышала даже такого слова «археография» и древние книги видела разве что по телевизору. Фольклорная экспедиция на север Томской области, оказывается, не должна была ограничиваться записью песен, сказок и частушек, планировалось изучить археографические возможности региона (именно поэтому с нами ехала и Елена Константиновна Ромодановская, тогда научный сотрудник Института истории СО АН).

Перед нами, студентами 491 группы НГУ, в большинстве своем городскими жителями, открылся совершенно новый мир: жизнь небольших районных центров и маленьких деревень, передвижения на теплоходе по Оби, на катерах и лодках по Чулыму, на подводах по топким дорогам, верхом на лошадях, пешком по тайге, обходя болота; ночевки в теплицах, на сеновалах, в заброшенных школах и больницах; комары, мошкара и заросли голубики, земляники.

И конечно запомнились люди: бабушки (а по паспорту женщины 50–55 лет), которые пели нам песни и частушки; те, кто нас подвозил, пускал на ночлег, кормил тем, что было в доме, сельская администрация.

¹⁵ Статья проверена и дополнена автором: Гузнер И. А. Они были первыми (из воспоминаний) // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России: сб. науч. ст. / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, Новосиб. гос. ун-т; сост. и отв. ред.: Г. А. Лончакова, И. А. Шилова, В. В. Подопригора. Новосибирск, 2018. С. 621–641. (Серия «Книга и литература»).

В этот незнакомый мир мы входили с некоторой опаской. Но открытость жителей, их неспешная жизнь, желание помочь, – все это позволило нам вписаться в местную действительность сравнительно быстро.

Как раз в эти годы в Томской области активно велась геологоразведка, так что экспедициями местных жителей трудно было удивить. Вспоминается такой эпизод. Меня, напуганную до потери сознания змеями, во множестве греющимися на примятой вездеходом траве, т. е. дороге, по которой мы шли, Елена Ивановна Дергачева-Скоп, наш руководитель, посадила «в чистом поле» на подводу к местному косарю. На его вопрос «Кто мы?» отвечаю: «филологи». – «А, нефть ищите. А что без компАса?», – удивился «абориген».

Безусловно, Елена Ивановна в нашей «адаптации» сыграла определяющую роль. Поражала удивительная способность Елены Ивановны, в то время совсем молодой женщины, находить общий язык абсолютно с любым человеком, независимо от «классовой принадлежности», возраста и характера. Только с годами понимаешь, насколько сложные проблемы встают перед руководителем в условиях экспедиции: накормить студентов на выделенные им на еду 50 копеек в день, договориться с транспортом, с местными жителями, отправить по маршрутам отряды и, главное, обеспечить их безопасность.

Но Елену Ивановну никогда не пугала ответственность. Пройдя не один километр по маршруту, вечером она собирала нас у костра и ненавязчиво просвещала «неразумных» студентов. Елена Ивановна – человек многочисленных талантов, прекрасно поет, шьет, вяжет, готовит (до сих пор помню тройную уху, которую она варила нам в экспедиции), лечит, причем ко всякому делу она подходит творчески, основательно и вдохновенно. Она не любит банальных суждений, в любой обыденности видит что-то необычное, какой-то новый ракурс и поворот. Даже простой вопрос вызывает у Елены Ивановны фейерверк новых идей. Неудивительно, что она всегда окружена молодыми лицами, говорит с ними на одном языке. Елена Ивановна современна всем поколениям.

Дочь известного ученого-литературоведа, профессора Уральского университета Ивана Алексеевича Дергачева, с детства погруженная в стихию русской литературы, Елена Ивановна готова каждого «обращать в свою веру». Отлично помню, как нам из какого-то укромного места вынесли первую древнюю книгу в кожаном переплете, завернутую в белую тряпицу, с каким уважением Елена Ивановна ее приняла, как владельцы удивились, что она умеет читать эти уже

непонятные им тексты, как радовались, что книги будут храниться в библиотеке.

В тот же вечер на примере этой старопечатной книги семнадцатого века Елена Ивановна обучала нас чтению полуустава, водяным знаком, датировке. Всему тому, что должен знать каждый начинающий археограф, а дальше погружение в древнерусскую книжность продолжалось на лекциях и семинарах Елены Ивановны, ее факультативах.

Должна признать, что моя «настоящая» археографическая экспедиция состоялась через год, в 1966 г., когда группа в составе пяти студентов: двух историков В. Конева и В. Великанова, трех филологов – В. Рудака, В. Губина и меня под руководством Елены Ивановны работали в Каргасокском и Парабельском районах Томской области «в живой» старообрядческой среде.

Старообрядческие поселения здесь были настолько труднодоступны, что Елене Ивановне пришлось однажды, используя свое обаяние, договориться с геологами, чтобы они на вертолете доставили ее в заброшенный скит.

Именно в этой экспедиции я по-настоящему поняла, как сложно завоевать доверие староверов. Слушая многочасовые беседы Елены Ивановны с ними «за жизнь», о вере, о книгах, понимала, что одно неосторожное слово могло навсегда закрыть перед нами двери. Много раз уже полностью уверенная в том, что в этом доме нет никаких книг, с удивлением наблюдала, как сраженные эрудицией Елены Ивановны, хозяева открывали сундук и извлекали такие раритеты, о которых и мечтать-то не могли. Именно этой экспедицией были привезены в фонд ГПНТБ СО РАН (тогда ГПНТБ СО АН СССР) ценнейшие рукописные и старопечатные книги, среди которых «Апостол» Ивана Федорова 1564 г.

И все-таки именно та, первая экспедиция 1965 г. кардинально изменила мою судьбу. Оставив намерение заниматься проблемами современного русского языка (а по мнению профессора А. И. Федорова у меня было «языковое чутье»), я по распределению после окончания НГУ пришла работать в отдел редких книг и рукописей ГПНТБ, в фонд которого уже поступило к тому времени собрание академика М. Н. Тихомирова. Последующие девять лет (до перехода на должность ученого секретаря) я работала в суперинтеллектуальной атмосфере: меня окружали самые древние книги, хранящиеся на территории Сибири, и самые энциклопедически образованные люди: Елена Ивановна, Владимир Николаевич Алексеев, Николай Николаевич Покров-

ский, Леонид Александрович Ситников. Мне посчастливилось принимать в библиотеке академика Д. С. Лихачева, когда заведующий отделом В. Н. Алексеев служил в армии. Уже как сотрудник библиотеки я побывала с археографическими экспедициями на Алтае, в Бурятии, в Иркутской области и Красноярском крае.

С теплотой вспоминаю всех, с кем сводили меня экспедиционные путидороги. Очень благодарна более молодым коллегам, с которыми вместе работали над проектом ФЦП по сохранности книжных памятников.

Счастлива, что связь с сотрудниками отдела, с археографами, с Еленой Ивановной, А. Ю. Бородихиным, Т. Н. Илюшечкиной, Г. Л. Лончаковой не прерывалась и не прерывается, что в любых ситуациях могу рассчитывать на их помощь и дружескую поддержку. Получается, что с той далекой экспедиции 1965 г. началось не только «археографическое открытие» Сибири, но и моя счастливая судьба.

Klaus Steinke

Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg
Erlangen, Deutschland
Klaus-Steinke@web.de

ERINNERUNGEN AN ELENA IVANOVNA DERGAČEVA-SKOP UND NOVOSIBIRSK

Meine Bekanntschaft mit beiden, mit Elena Ivanovna und Novosibirsk, reicht über dreißig Jahre zurück. – An sich hätten wir uns sogar schon 1959 bei den Weltjugendspielen in Wien treffen können, als wir beide in der Stadt waren und das Festival besuchten. Aber das ist Mythologie. – Real fand die erste Begegnung 1990 während der Internationalen Konferenz **Традиционная духовная и материальная Культура русских Старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки** 23.09.-29.09. 1990 in Akademgorodok statt. Damals waren wir noch jung und voller Optimismus - immerhin die unerschöpfliche Energie ist geblieben und hat Elena Ivanovna bis zuletzt ausgezeichnet.

Nach inoffizieller Zählung war das in Akademgorodok schon die 3. Internationale Konferenz zum Altgläubigentum. Die erste fand in Heidelberg vom 28.04. bis 30.04. 1986 unter dem Titel *Literatur und Geschichte der Altgläubigen* statt und wurde von mir noch vor meiner Habilitation organisiert. Das zweite Internationale Treffen fand im Rahmen des XII *International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences (ICAES)* vom 24.07.-31.07.1988 in Zagreb statt. Für dieses Treffen gab es aber keine eigene Sektion im Kongressprogramm, sondern unser gemeinsamer Freund Richard Morris aus Oregon hat – in der für ihn typischen Art – einfach improvisiert und für alle anwesenden Kollegen der „Altgläubigen Fraktion“ einen Hörsaal für ein unvorbereitetes Treffen gefunden. Eine breitere und seriösere Basis hatte erst die Konferenz in Akademgorodok mit ungefähr 60 Teilnehmern aus 10 Ländern. - Die vierte und letzte große Internationale Konferenz mit dem Titel *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce, ich miejsce i tradycie we współczesnym świecie* fand übrigens 09.-14.09. 1992 in Ciechanowiec (Polen) statt.

Bei der Konferenz in Akademgorodok habe ich Elena Ivanovna kennen und schätzen gelernt. In ihrer unkomplizierten Art hat sie natürlich zusätzlich zum offiziellen Programm einen Besuch der ГПНТБ СО РАН organisiert. Ihre unkomplizierte und effektive Art, Dinge zu regeln, habe ich immer wieder bei meinen Besuchen in Novosibirsk bewundert. So nahm ich dank

ihrer Initiative an weiteren Konferenzen in Tobolsk, Krasnojarsk und Novosibirsk teil und erweiterte gleichzeitig meine Kenntnisse von Land und Leuten.

Ein gutes Spiegelbild ihres organisatorischen Talents ist der von ihr geleitete und systematisch ausgebaute Lehrstuhl für alte Literatur und Quellenkunde an der Universität in Akademgorodok, ein weltweit anerkanntes und führendes Zentrum für das Schrifttum der Altgläubigen. Ein Besuch dort war immer ein fester Punkt und fachlicher Gewinn bei meinen Aufenthalten in diesem unikalen sibirischen Wissenschaftszentrum. Sie waren in der Regel mit Einladungen zu ihr nach Hause verbunden, wo ich Elena Ivanovna als herzliche Gastgeberin und vorzügliche Köchin kennenlernte. Da ich gerne gut esse, war das eine hervorragende Adresse und unvergleichlich besser, als das, was es damals im Дом учёных gab.

Das letzte Mal sahen wir uns in Akademgorodok 2014, als ich mit meiner Tochter Marianne auf der Reise von Wladiwostok nach Ekaterinenburg mit der Transsib in Novosibirsk Station machte. Mit der Transsib zu reisen, war Traum und Wunsch meiner Tochter, die ebenfalls Slavistin ist. Wir haben damals mit Elena Ivanovna und einigen Mitarbeiterinnen im Restaurant Кольцо getroffen, das inzwischen wohl sein Profil geändert hat und anders heißt. Obwohl sie vor der Abreise zu einer Konferenz stand, fand sie Zeit zu einem Treffen.

Meine Beziehungen zum Altgläubigentum und meine Kontakte mit Novosibirsk sind etwas komplizierter, da ich kein ausgebildeter Archäograph bin, sondern Sprachwissenschaftler. Allerdings habe ich für meine Habilitationsarbeit [Steinke] die altgläubigen Dörfer Tatarica und Kazaško in Nordostbulgarien besucht und dort Dialektaufnahmen gemacht. Natürlich setzte die gründliche Untersuchung ihrer Mundarten eine intensive Beschäftigung mit ihrer Geschichte und Kultur voraus. Jedoch fand ich dort keine Spuren von altgläubigen Handschriften, nach ihnen habe ich indessen nicht explizit suchte. Mit ihren Handschriften kam ich erst an meinem Arbeitsplatz im Slavischen Institut an der Universität Heidelberg in Kontakt, für die sich dort aber niemand besonders interessierte [Штайнке]. Um sie bekannter zu machen, organisierte ich 1986 die erste Altgläubigen-Konferenz. Leider war das Echo nicht so stark, wie ich es erhofft hatte, und es folgte bis auf den kleinen gemeinsamen Artikel mit Jaroslav Scapov [Щапов, Штайнке] kein gemeinsames Forschungsprojekt. Dabei zeichnet sich die heterogene Sammlung in Heidelberg dadurch aus, dass die 33 Handschriften ca. 3.000 Miniaturen enthalten¹⁶. Inzwischen ist der Zugang zu den

¹⁶ Immerhin gibt es einen, wenn auch dilettantischen Katalog: [Haapanen].

Handschriften erschwert worden, da sie sich nicht mehr im Slavischen Institut befinden.

Immerhin habe ich einen semiprofessionellen Zugang zu den unikalen Heidelberger Handschriften altgläubiger Provenienz gefunden und das verdanke ich den Novosibirsker Kollegen und insbesondere Professor Elena Ivanovna Dergačeva-Skop. Ihr möchte ich mit diesen Worten meinen besonderen Dank zollen.

Literatur

- Штайнке К.* Собрание славянских старопечатных книг и лицевых рукописей в Гейдельберге // Мир старообрядчества. Вып. 7. Традиционная книга и культура позднего русского средневековья. Ч. 2. История книжность и культура русского старообрядчества: труды Всероссийской научной конференции к 40-летию полевых археографических исследований Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, (Москва, 27–28 октября 2006 г.). Ярославль: Ремдер, 2008. С. 126–141.
- Щапов Я. Н., Штайнке К.* Неизвестный русский художник-книгописец второй четверти XIX в. Семен Самсонов и его книги в Гейдельбергском университете // Литература и искусство в системе культуры. М.: Наука, 1988. С. 349–362.
- Haapanen T.* Katalog der Handschriften und Altdrucke (MS.) Heidelberg, 1987. (Heidelberger Bibliotheksschriften, № 28).
- Steinke K.* Die russischen Sprachinseln in Bulgarien. Heidelberg: Winter 1990. 262 S.

Научное издание

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Международная научная конференция, посвященная памяти
доктора филологических наук, профессора Е. И. Дергачевой-Скоп
(Новосибирск, 18–20 октября 2023 г.)

Сборник материалов

В оформлении обложки использована фотография,
размещенная в открытом доступе сетевым изданием «Полит74.RU»
(<https://polit74.ru/>)

Подготовлено к печати Сибирским отделением РАН

Корректурa: И. А. Шилова, В. А. Мельничук
Оригинал-макет Н. М. Райзвих

Подписано в печать 16.11.2023.
Формат 60×84/16. Уч.-изд. л. 4,7. Усл. печ. л. 8,3.
Тираж 300 экз. Заказ 267.

Сибирское отделение РАН
630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090, Новосибирск, Морской просп., 2
Тел. (383) 330-84-66, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ФОРУМ

«НАСЛЕДИЕ»

Сборник включает в себя материалы Международной научной конференции «Источниковедение литературы и языка», состоявшейся 18–20 октября 2023 г. в рамках IV Международного научного форума «Наследие». Конференция проведена Гуманитарным институтом Новосибирского государственного университета совместно с Государственной публичной научно-технической библиотекой Сибирского отделения Российской академии наук.

В сборник вошли тезисы докладов, посвященных различным проблемам источниковедения литературы и языка, и материалы круглого стола «Актуальные вопросы изучения литературного наследия М. М. Пришвина». Авторами сборника стали доктора и кандидаты наук из Германии, Италии, Греции, Чехии, Франции, Китая, Армении, Болгарии, Беларуси и России.

Издание предназначено для специалистов в области источниковедения, текстологии, археографии, истории русской литературы и языка.

— Фонд —
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА